

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 119 (2992)

Четверг, 2 октября 1952 г.

Цена 40 коп.

ТЕЛЕГРАММА

Председателю Центрального Народного Правительства
Китайской Народной Республики
товарищу Мао Цзе-дуну

ПЕКИН

По случаю третьей годовщины провозглашения Китайской Народной Республики прошу Вас, товарищ Председатель, принять мои сердечные поздравления.

Желаю великому китайскому народу, Правительству Китайской Народной Республики и лично Вам новых успехов в строительстве могучего народно-демократического китайского государства.

Пусть крепнет и процветает великая дружба Китайской Народной Республики и Союза Советских Социалистических Республик, являющаяся прочной опорой мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире!

И. СТАЛИН

ЧЕРТЫ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

1. Однажды в Донбассе, под Красным Лучом, я увидел стенографу шахты «7-8-бис». Редколлеги обрались к читателям: «Рассказы о своем товарище».

Однажды в Донбассе, под Красным Лучом, я увидел стенографу шахты «7-8-бис». Редколлеги обрались к читателям: «Рассказы о своем товарище». Одна парткома была открыта, сильные порывы восточного ветра вносили в комнату пух с тополя. Буквы, написанные от руки чернилами, были чуть припорошены угольной пылью. Удивительно сильное ощущение — заряд энергии, немного, воспряло у меня при чтении этих небольших заметок. Вот в одной из них с гордостью рассказывалось о начальнике участка, который прошел путь от конюхона до инженера «куем свои кадры, куюм». В другой заметке говорилось о коммунисте-забойщике: лето он провёл в подпольном подполье, помогая налаживать партийно-политическую работу, — «спасибо коммунистам шахтерам за добрую помощь». В третьей — о партгруппире участка: «душа забоя», он хорошо разбирается в трудящихся, политичку партии и правительству.

Заметки эти рассказывали о самом обычном, привычном, а потому и дорогом: о том, как проник социализм в жизнь и быт. Партгруппы, общающиеся факты, вспоминали первую пятилетку, когда закладывались основы индустриализации страны, вспоминали одно замечательное место из выступления товарища Сталина в то далекое, близкое и дорогое время — о чертах советского шахтера, а в сущности, если взять шире, о советском человеке.

«Один товарищ», — говорил Сталин, — ездил в Донбасс, лазал там по шахтам и расспрашивал шахтеров об условиях их работы. Замечательно, что на один из шахтеров не счел нужным жаловаться на условия. «Как жилось вам, товарищ?» — спрашивает их этот товарищ. «Ничего, товарищ, не плохо жилось», — отвечают ему шахтеры. «А еду в Москву, скажите мне, что я должен передать центру?» — спрашивает он. «Скажите там, что нам жилось не плохо», — отвечает ему шахтер. «Слушайте, товарищ, а ведь не иностранец, а русский и приехал сюда для того, чтобы узнать об условиях жизни и быта. Нам все одно, товарищ, мы говорим лишь правду и иностранцам и нашим», — отвечает ему шахтер.

Вот вам физиономия наших шахтеров. — замечает товарищ Сталин. — Это не просто рабочие, а герои. В этом и состоит богатство того морального капитала, который мы успели накопить в сердцах рабочих».

И товарищ Сталин советует беречь этот неоценимый моральный капитал. Когда я перечитывал сегодня, в канун XIX съезда партии, эти сталинские слова, сказанные около четверти века тому назад: — это не просто рабочие, а герои, — мне захотелось подхватить и продолжить разговор, начатый в стенографической шахты «7-8-бис», разговор о некоторых чертах советского человека.

2. — От Володи Сизова восточка, — сказал мне Башков, начальник доменного бинала Гипроуглемаша.

Восточка была из Китая от инженера-восточника Сизова. Я, к сожалению, не был с ним знаком, но все, что рассказывал мне об этом восточке-умеелье, звали его телью и ласково Володей. А иногда добавлял с улыбкой: «Володя — диапазон возможностей».

Володя писал: «...Или вы из далекой страны — далекой по своему географическому расположению и весьма близкой по общности целей и чувствам симпатий к советским людям. Китайские товарищи проявляют большой интерес к нашей технике. А к комбайну «Донбасс» — особенно. Признаться, я считал, что моя миссия будет ограничиваться общей консультацией. Однако китайские товарищи подошли к этому вопросу гораздо серьезнее. Они настоятельно просят организовать курсы, на которых в полном объеме изложить им сущность нашей конструкции комбайна».

Живую историю, забота о наших людях, можно сказать, трогательная — все для советских людей. И просто как-то неудобно становится, так как мы не особенно привыкли, чтобы за нами ухаживали. Советские книги и журналы расхватываются. В кино во время демонстрации картины при одном лишь упоминании имени товарища Сталина раздаются аплодисменты. На улицах шестую школьница из пионерских гасетки... совсем как у нас, и распевают советские песни. Должен прямо сказать, что такая обстановка вызывает непреодолимое желание сделать как можно больше для этих людей».

Все интересно китайцам, все хочется знать. И какая жалка понять и почувствовать советскую жизнь. Люди, которые по рождению в суровых походах песни «Цилай!» — «Ветвиль, кто рабства больше не хочет», люди эти увидели в инженерере Сизове не просто специалиста-консультанта, а друга и брата.

И Володя Сизов стал делиться опытом своей работы не только по линии инженерно-технической, а и по общественно-государственной линии. Ему понадобилось, как он писал, пропагандистские материалы, рисующие черты советского человека. Брошюры на эту тему, так сказать.

«А пока что мы на-пару с комбайном ведем пропаганду и агитацию». И кажется, не плохо вели они пропаганду и агитацию. От Володи Сизова из Китая стали приходить сведения восточки. Обыкновенные сведения: пролето-добыто. Сводки, в которых знаком цифр говорится, сколько квадратных метров пройдено в лаге и сколько тонн угля добыто.

И поприсядь «внешнеэконом» обрисовать мне облик своего товарища Володи Сизова.

«Можно», — сказал Меркулов, начальник отдела внешности. — Конечно, да? — Конструкция комбайна, видите, расдалась... Впрочем, это громкое слово «расдалась» — скажем проще: делалась на его глазах. Он ее до тонкости знает. И, главное, он может показать — ручками, ручками! Показет и поведет.

Может быть, это и есть самое главное в облике Сизова: показет и поведет за собой. И Меркулов контурно, как он выразился, дал мне рисунок Володи Сизова. Володя, по его словам, — мужчина в годах; ему — за сорок.

«Вот как!», — Мужчина в годах... А у меня почему-то сложилось впечатление о нем, как об очень молодом человеке.

«А вы говорили — Володя?», — «Понимаете», — смущенно сказал Меркулов, — мы вот уже сколько лет привыкли звать его Володей. Внешне он о,

Владимир Максимович. А внешность — народ живой, неутомимый, азартный.

И засмеялся: — Азартный? Чудесно! А ведь черточка эта, — Горький назвал ее азартной юности, — жила в нашем народе. Горький увидел эту черту в Ленине. «...И любовался, — писал Горький о Ленине, — тем азартом юности, каким он насыщал все, что делал».

Азарт юности пронизан весь образ нашей жизни, наши мечты и планы, воплощаемые в действительность.

«Очень интересно отметить», — сказал однажды товарищ Сталин, — ту чистую юношескую радость, с какой Ленин, этот великий, восторженный горами и стелкавший их друг с другом, встречал камлужку восточку об основании одного — двух колхозов или о присылке тракторов для того или иного колхоза».

Азарт юности прочно живет в советском человеке. Результаты своего труда он сопрягает с великим планом пятилетних работ. Пятилетки вошли в наш быт, они стали частью наших биографий. Макаренко хорошо писал о пятилетних планах. Для того, чтобы увидеть их, достаточно открыть глаза: нас окружают новые ландшафты, новые предметы, новые представления. А к этому хочется добавить — и новые черты в облике советского человека.

3. Заводская библиотека «Серпа и молота».

Антонина Гавриловна, библиотекарь, позвала меня в читальский формуляр Ивана Ильича Туртанова, начальника прокатного стана. Помню, четыре года назад, когда я впервые познакомился с Туртановым, я видел в этой же библиотеке его читальскую карточку. Он тогда много читал технической литературы. А сейчас круг чтения значительно расширился и, главным образом, за счет художественной литературы.

Туртанов появляется в библиотеке обычно по вторникам, в вечерние часы, когда идет на заседание парткома.

И я знаю, — рассказывает библиотекарь, — откровенно Иван Ильич дверь, и уже по глазам его видишь, по душе ли ему пришла книга. Если понравилась, глаза у Туртанова веселые, живые, бережно кладет книгу на стол и скупно, в два слова, дает аннотацию: «Хороша. Настроить».

Сейчас Туртанов зачитывается Горьким. — Социализм... — задумчиво говорит он, поглаживая рукою горьковского тома. — Какое там социализм, — усмеяется Туртанов. — Тут сама жизнь...

И, подумав, тихо продолжает: — Настроить Алексея Максимовича.

И внимательно вглядываясь в лицо Ивана Ильича. Что нового отложила жизнь в его чертах? Туртанов шурит свои темные с блеском глаза и пошевеливает.

«Все такой же», — говорит он. — Разве чуток поседел...»

Мы беседуем в маленькой в два шага, конторке начальника стана. На столе — разнотипный газетный лист «Правды» с проектом директив съезда партии. На газетном листе — очки, карандаш, металлический кропиркуля. Удивительно прочно входит в этот проект великого пятилетнего плана цеховой план, график часовстречной работы на стане «750».

«Сопригается», — негромко, с улыбкой говорит Иван Ильич и, сцепив пальцы рук, сильным жестом потирает руками над этими двумя планами — великим планом всей страны и своим часовстречным.

«Общая картина проекта директив по пятой пятилетке ясная. Правильно дано направление развития социалистической промышленности. Группы А и Б, — судая, жесткая ладонь Туртанова чуть приподнимается над газетным листом.

«Какое, просто... А и Б... А ведь какая борьба была когда-то, в начальном периоде, когда закладывались основы этих А и Б».

Сам Туртанов и коллектив его стана входят в «группу А». Металл. Основа основ. Туртанов хорошо помнит работу XVIII съезда партии. И тогда стояло это. Всемерное развитие производства средств производства. А помнит он дни съезда не только в общем, так сказать, плане, но и в плане, можно сказать, личном. Делегатом от Московского партийной организации. Помнит: рабочие стана отметили открытие съезда тем, что вместо обычных четырехсот слитков прокатали четыреста восемьдесят. Тогда и зародилась у рабочих мысль, как лучше прокатывать слитки кильеи и споконной стали, идея часовстречного планирования.

Туртанов говорит тихо, и по глазам его видно, что он в то же время напряженно слушает работу стана, чувствует ритм проката. Да, кажется, простое дело было задумано — считать работу не в тоннах, а в слитках. А вот это «звеньишко» и дало толчок к рождению почасового графика.

«Время — это металл, это группа А, если хотите знать, товарищ корреспондент. Ну, хорошо, будем считать работу в слитках. Простое, да? Просто! А сколько пришлось поновиться, чтобы закрепить это простое — считать в слитках, по минутам.

Туртанов вдруг улыбнулся, провознес с какой-то особенной ласковой интонацией это слово «повозиться». Чувствуется, что оно ему по душе.

«Да, хорошая история у этого слова. Слово-ключик.

И Туртанов сделал быстрое движение тонкими, сильными пальцами, будто невидимый ключик держал.

Слово это он услышал на XVIII партийном съезде. Да, именно там.

«На хорошее», — говорит Иван Ильич, — на хорошее мы народ памятный. Много лет прошло с тех пор; много событий. Одна война чего стоит! А вот же помните все, что было на съезде партии. Помните доклад товарища Сталина. И особенно одно сталинское слово крепко держит душа. Простое слово, а хорошо помогает в работе. Направляет.

«Повозиться...» — тихо произносит Иван Ильич. — Помните, у Сталина: повозиться! Вот-вот... Задолбано выращивать карты, помогать каждому растущему работнику подняться вверх, не жалеть времени для того, чтобы терпеливо «повозиться» с такими работниками и ускорить их рост.

«Иван Ильич стоит, чуть сутуля плечи, и смотрит работу стана. Маленькими, темными с блеском глазами он огибывает прокатное поле. Он схватывает гамму звуков работающих валков на обжиме, на подготовительной кляти и на чистовой. Огневые полосы скользят по этому полю, выдо-

женному металлическими плитами, в точном, красивом ритме они переходят от кляти к кляти. Иногда Туртанов «говорит» руками. Удивительно скупые и выразительные у него жесты. И эти короткие движения его рук хорошо понимаются на стане «750».

«Вот так мы и живем», — продолжает рассказывать Туртанов. — «Вценились» в часовстречный график и двигаем его.

«А кто ведет запись часовстречного? Туртанов смеется.

«О, у нас свои писатели — с хорошим глазом. Всем народом их выбирали: Митячев — коммунист, Фронов, Николаенко — коммунист и Афонин — наш беспартийный товарищ — профактив. Справедливые ребята, всем народом в руки перо им дали: пини, критикуй. А вернее сказать, не перо, а мел. Мелом они на доске пишут результаты работы. Заовоанное — записало, а недодел — тоже записать и критику навести.

И подошел к доске с показателями часовстречного плана. В первой смене были недоделки — запись на доске отразила это: были выведены фамилии нерадивых работников. Гневом и укоризной звучала строка, написанная мелом: «Так вы выполняете взятые обязательства!» Восклицательных знаков было два. Но подошел Иван Ильич, прочел и один восклицательный убрал.

«Многовато», — сказал, подмигивая. — Дойдет и так.

Он взял меня за плечо и в самое ухо, сквозь шум, сказал громко, раздельно: — Действительно шумка. Сразу видно: кто что. Понятно! Понятно! Понятно! Понятно! Друг к другу. Настроить.

«Вот какая судьба у этой тоненькой, в двадцать с чем-то страниц брошюры — судьба сильная и прекрасная. А название сухое: «Как мы ускорили оборот паровоза». Автор брошюры Блаженков Виктор Григорьевич — старший машинист депо Москва-Сортировочная. А какой размах дала жизнь этой лекции-брошюре, какие «колеса» получила она! Ее читают в Китае, в Чехословакии, в Корее, в Демократической Германии.

И отговору — письма. Одно такое письмо пришло от Пауля Гейне, машиниста паровоза «44-116».

«...Мы в Галле имеем воду жесткости 35°. Далеко меня интересует, какие препятствия появились у вас? Я уверен, что вы эти препятствия лучше побороли, нежели мы, ибо вы имеете партию Ленина».

«Стална, а мы еще только создаем такую. Да здравствует дружба советского народа с немецким народом, заключенная навсегда».

«Вот как оно в жизни бывает: начали разговор с жесткости воды, а перешли в судьбу мира».

И это письмо. От китайского машиниста Го Шу-де.

«Я вспоминаю ваше сердечное отношение к нам, — пишет китайский машинист. — Вы не умеете говорить по-китайски. Однако, когда вы сопровождали нашу делегацию при посещении депо «Сортировочная», я, глядя на вас, на ваше лицо, полное дружеского чувства, понимал все то, что вы хотели сказать».

И вот третье письмо. Сегодня пришло. Из Кореи. Пишет машинист Че Ки Ген. Пишет по-корейски и по-русски: «Мы верим, что непременно будет у нас победа и слава».

И глядя на эти старательно выведенные русские буквы, думаю: ведь вот же в условиях войны выучился человек русскому языку, языку Ленина и Сталина. А в самом конце письма трогательная приписка: «Я желаю вам, что исправляете ошибки в этом письме, русский товарищ. Читайте — будто отсвет огня, что поджигает в Корее, ложится на письмо».

А в комнате на диване сидят два мальчика — дети машиниста Блаженкова — и слушают, как отец читает письмо корейца. Юра, что постарше, — большелобый корейский хитрец, забравшись с ногами на диван и опустив на колени книгу, чуть подвинулся вперед, смотрит на отца. Он похрюстывает и берет, и берет, в обе ладони, берет письмо из Кореи, вглядываясь в нанесенные кистью письмена. Потом письмо переходит к младшему, к Вове, — он берет листок в свою махонькую, ковшиком сложенную ладошку; затем письмо снова переходит к отцу. И делегат XIX съезда партии Блаженков долго держит его на своей широкой ладони, будто взвешивая силу его.

Когда-то Горький говорил о письмах, что они могут служить документом эпохи. Может быть, и эти три письма — немецкое, китайское и корейское — в какой-то степени выражают черты нашего времени.

«А хороший народ», — говорит Блаженков, чуть подвигав письмо на ладонь, — на свой лад вертает жизнь. И хорошо вертает? По-нашенски, с размахом. Ломают распашку движения.

И по какой-то ассоциации оба мы вспоминаем горьковского машиниста Николая. Хорошего человека.

«Он, должно быть, на «сметках» и «сечках» ездил, — смеется Виктор Блаженков. — Паровозы товарище, грузовые. Тихонько шла. А наши теперь ездят на грузовых, мощных, с большой скоростью паровозов серии «Д».

Блаженков ведет свой паровоз на длинном плече: Сортировочная — Рыбное. Но, думается, правильно будет сказать, что он творит на более длинном плече: Москва — Китай, Москва — Корея. Москва — Германия».

«Великий, вдохновляющий образ советского человека — образ строителя коммунизма, восторженного горами, штурмующего небо, заставляющего горки течь по новому руслу, встает над миром».

Блаженков живет в доме машинистов на Соколинкой горе.

Видны огни станции Сортировочная. Шангуа — и дело, — говорит он.

«Лягу встает в осенней ночи огни той самой исторической станции, где зародились первые коммунистические субботники».

«Завтра у Блаженкова дежурный день, он встречается с избирателями. Потом в путь. Он ведет свой паровоз «1-450». А там, глядишь, и съезд партии.

«Живем по уютному графику, — смеется Блаженков. И вскинул голову, глядя на огни депо, произносит: — А дозунг Горького... машиниста Николая... действует в полную силу. Режь воздух. Мчись на всех парах. Наша берет!»

«Видно, что вы любите паровозы».

«Видно, что вы любите паровозы».

«Видно, что вы любите паровозы».

«Видно, что вы любите паровозы».

«Видно, что вы любите паровозы».

Б. ГАЛИН

СОЛНЦЕ РАЗГОНИТ ТУЧИ

Над миром занесена злодейская рука американского империализма. Мир знает руку фашистских людоедов, руку Гитлера, японских разбойников. Ее, истязавшую, пытавшую, вешавшую, сжигавшую живьем, творившую зло народам Европы и Азии, отрубил меч всенародной справедливости. И вот сегодня опять такая же рука обрушилась на миролюбивых людей болезнетворные бактерии.

Кто не любит раннего утра, когда так жарко заснежит поля, когда так прозрачен воздух? Кто не любит жизнь, детей, культуру, науку?

Не так давно я читал заявление, сделанное иностранными корреспондентами в Пхеньяне. «Мы», — говорится в этом заявлении, — видели испепеленную Варшаву, а теперь узнали, что США применяют варварское оружие разрушения и массового уничтожения людей. Мы, жившие в изранном Будапеште, испытавшие ужасы американской авиации, уничтожающей города и села Кореи. Нам право и наш долг — прижать людей доброй воли потретьеяде немыслимо прекращении этих ужасных преступлений, которые тянут в себе угрозу всему человечеству».

Да, все мы видели зарево пожара второй мировой войны... Освещенный и злодеяния 731-го воинского отряда японских самураев над китайскими патриотами жалгли в нас неугасимую ненависть к империализму, и мы защищаем мир, чтобы черная туча не заткнула наш солнечный небосклон.

Зарево новых кровавых злодеяний помыкает ныне над Корейским полуостровом. Я был в Корее, ходил по фронтовым дорогам, и пламя горящих деревьев опалило мое лицо. Я видел ребенка: один-единственный стоял он перед догорающим домом, молча глотая слезы... Города и деревни Кореи превращены в песчанки, обгоревшие горящей кровью, и неизвестно, сколько прекрасных людей погребено под каждым из них, в каждой воронке от бомбы...

Но Корея стоит нерушимой. Ее не уничтожат бомбы. Ее не сжечь огнем. Американцы превратили ее в руины. Корея встает из руин. Разбойники раздели по ее земле море огня. Словно пламя корейский народ мужественно и гордо идет вперед...

Я пишу эти строки и вспоминаю поездку в Юго-Восточную Азию. И там, вдали от Кореи, я видел черную тень американских империалистов. С помощью золота и крови они стремятся создать здесь новый военный трамплин. Эти агрессивные действия янки поднимают на борьбу миллионы наших братьев в азиатских тропиках, мечтающих о своем освобождении.

В Малаккском проливе, в портах Сингапура и Пенанга я явственно ощутил, как сопротивляется и дрожит разваливающееся здание империалистического мира.

Во время стоянки в порту я прочитал в «Малайян бюллетеня» статью некоего господина В. О., озаглавленную: «Открыты ли у них глаза?» Он обращался к специалистам по колониальному разбою с требованием взглянуть в глаза действительности и как можно быстрее уничтожить «опасные элементы» в Малайе. Он призывает усилить военный террор. Я вспомнил его, услышав, что английские колонизаторы начали применять ядовитые вещества для уничтожения псовов в Малайе.

Империалистические разбойники, разваливающиеся в разваливших гештабом и военным министерством Японии в соответствии с секретными указаниями императора Хиروهито в 1935-1936 гг. на территории Маньчжурии совершенно секретных формирований, предназначенных для подготовки и ведения бактериологической войны. «Отряд № 731» во главе с генералом Цзин Сиро, осужденным на казнь в процессе, широко применял эксперименты по созданию смертоносных бактерий на живых людях — заключенных китайских патриотках и русских.

данные бактерии чумы и холеры и уничтожающие народное продовольствие, выдают себя с головой! Везде — в Корее, Юго-Восточной Азии, Европе — империализм несет с собой войну и разрушение, против которых встают народы и героическим движением защищают мир. Это повсюду так.

Я знаю, конечно, что за инициалами В. О. стоят американские поджигатели войны. Я знаю, конечно, что у империалистов отштампованы для Юго-Восточной Азии и «план безопасности», и программа «экономической помощи», под прикрытием которых они создают новые военные базы. Но некогда темный Восток уже давно озарен восходящим солнцем. Оно поднялось над землей нового Китая, над Кореей и Вьетнамом. В этом — действительность сегодняшней Азии, неизбежное следствие ее исторического развития.

В этом году американцы в Корею жаловались на плохую весну. Ванфиловский военный вестник скорбно выдыхал: «На корейском фронте целыми днями дуют ослепительные ветры, приносят снег и град». Весна пришла, наступило лето, но они продолжают проклинать все на свете: «Вчера днем и ночью — дождь, туман и черные тучи»...

Хороша весна на родной земле! Спустились на поля нашей родины, она снова и снова пробуждала нашу любовь, поднимала наш энтузиазм. Я говорю о бесконечно прекрасной весне, пришедшей ныне на свободу землю Китая. И я хочу напомнить о прошлом, о нечисленных холодных зимах.

Мы помним злодеяния американских империалистов — эту суровую зиму нашей истории. Сколько наших боевых друзей убито их пулями! Сколько живых носят шрамы! Американские пули начали разлетаться на нашей земле вслед за пулями японских империалистов, когда те не смогли покорить нас.

И вот радостная весна сменила суровую зиму. Прислушайтесь к звукам раннего утра! Вы услышите, как поют пионеры, шагающие в красных галстуках в школу, как щебечут малыши, повторяя за матерями слова любимой песни:

Зари на Востоке,
Солнце восходит...»

Прислушайтесь, и до вас донесется гул строев на реках Хуайхэ и Янцзы, бурные жизни на полах дорог Сяньцзяна, песни дружного труда на полях первых производственных сельскохозяйственных кооперативов к северу от реки Сунгари. Лучи яркого солнца освещают и моря моей родины на Востоке, и границы далекого Синцзяна на Западе. Прислушайтесь, и вы услышите, как поет уйгурский народ:

Белый голубь кружится в голубом небе,
Освобожденные люди мечтают увидеть
председателя Мао.

Радость и счастье труда несем мы с собой. Нас 500 миллионов. Мы — армия строителей родины. Мы смело идем вперед, чтобы защитить мир.

Мы видим — на небосклоне собираются черные тучи и диаволы снова угрожают миру. Покрывая кровью рука американских варваров тает от Кореи к нашим границам, бросает и на нашу землю смертоносные бактериологические бомбы. Но, как суша и море образуют нашу планету, так тесно сплотившиеся люди всех стран земли образуют лагерь мира. Бактериологическая война в Корее и Китае — вызов людоедам всему человечеству. Они хотят развязать всемирную войну. Со времени Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками перед нами не стояло более серьезной задачи, чем сейчас, — задачи защитить мир от новой угрозы.

Широко распространенная в Китае народная песня о Мао Цзе-дуне.

Где кремлевские огни горят,
Все, что строится мною и нами,
Ты увидишь,
товарищ и брат...

Гул маршевом
И саживает шопот,
И турбинные тысячи сил,
И колхозные пахари опыт
Ты в рабочий блонгот заносил,
Вероятно, записки такие
Зарисовкам с натуры срочил.
Я хочу,

Где высокие горы,
Ты умчался обратно домой.
И торжественно можем признаться
Мы — обих народов сыны, —
Что меж нами —
ни горных препятствий,
Ни Великой китайской стены!

Подлая душа Гитлера давно уже переселилась за океан.

Американские империалисты присвоили гитлеровский план уничтожения мира, выпустив его вторым изданием под своим именем. Они хотят вернуть человечество в пучину третьей мировой войны в угоду алчным финансовым магнатам.

Народы настроены иначе. Они не раз срывали тайные замыслы империалистов, наносили удары по их агрессивным действиям, справедливая сила защитников мира сдерживает натиск агрессоров. Насильникам казалось, что они уже уничтожили культуру, стерли с лица земли историю корейского народа. Но корейский народ вместе с китайскими братьями творит новую героическую историю. Люди всех стран шлют приветствия на корейский фронт, так как это передний край защиты мира во всем мире.

Я видел корейского героя-зенитчика. Он бил 47 вражеских самолетов, мстя за кровью и слезы матерей и детей. Я знаю китайского добровольца-героя, который, рискуя жизнью, вынес из огня корейского ребенка. Как много нежности и тепла было в тот миг в его сердце и как много в нем суровой невинности, когда он идет на врага, — тогда он не знает пощады. На его счету уже 30 истребительных интервентов. Мне говорили, что во время зверских бомбежек наши врачи и сестры прикрывают раненых собственными телами. Известны же китайские добровольцы-лечники, которые сбивают американских воздушных гангстеров, отправляя их умирать на им же истерзанную землю.

Мы благодарим этих героев, благодарим их матерей и жен. Они защищают мир и заслуживают великой славы.

Когда вести с корейского фронта достигают Вашингтона, они получают отклик в американском конгрессе. Иные конгрессмены уже открыто возлагают на правительство ответственность за судьбу миссис Дэвис, вдовы американского летчика, погибшего в Корее, и других несчастных жен и матерей, чьи мужья и сыновья были посланы на войну в Корею, признают, что корейская авантюра вызывает у американских солдат упадок духа. Агентство Юнайтед Пресс сообщило, что американский «асс» московской реактивной авиации полковник Грей, прозванный «дымным ястребом», возвратившись домой, признал: «Войну в воздухе мы проиграли».

Факты — упрямая вещь. Сами империалисты вынуждены признать, что война, которую ведут янки в Корее, является «самой безнадежной войной в истории США». Они проговариваются, признавая, что «эта война носит крайне бесчеловечный характер, она зашла в тупик, ибо сейчас действуют такие силы, каких не было во времена двух мировых войн». Эти силы дают себя знать не только в сбывающейся обстановке на фронте, но и в самой Америке. Агентство Ассошиэтед Пресс сообщает, что семьи американцев, погибших на корейском фронте, возвращают Трумэну полученные ими боевые награды. Все больше людей в Америке начинают понимать, что разжигает пожар, разрушающий черты советского человека, брошюры на эту тему, так сказать.

История грядущего

«...Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове», — писал Карл Маркс, характеризуя человеческий труд.

Взгляд в будущее — вот что свойственно человеку, что существенно для человеческого сознания.

По от взгляда в будущее до овладения будущим — долгий путь истории человечества: чем дальше, тем большую власть над грядущим получают люди.

Раскрывая газетные листы с проектом пятилетнего плана, мы раскрываем наш завтрашний день и уверены, что намеченная нами картина изменений на громадных пространствах нашей страны совпадает с действительностью через три года, а может быть, даже скорее. Ничего подобного не было в человеческой истории, и это — одно из нагляднейших доказательств того, что мир вступил в новую эру жизни.

Будущее стало формирующим фактором настоящего для сотен миллионов людей. Оно живет с нами рядом, оно накладывает на сегодняшний день, как маршрут накладывает на карту, и каждый отмечает себе расстояние, пройденное им и его коллективом. — за квартал, за день, за минуту час.

Уже было замечено, что в языке, на котором мы говорим и который создавался в течение столетий прошлого, не так-то много слов для определения будущего: **будущий, грядущий, предстоящий, завтрашний, новый**, и еще несколько уже косвенных определений. вроде **романтический, возмущающий, интуитивный** и т. д.

Зако разнообразен состав слов, которые говорят о прошлом: **прошлый, бывший, минувший, бывший, старинный, древний, незабываемый, давнишний, прошедший, прежний, вчерашний, бывший...** и неограниченное количество косвенных определений.

Не свидетельствует ли уже этот, да и первый взгляд на незначительный факт о том, что мышление во времена эксплуатации человека человеком было более занято прошлым, нежели будущим?

Не характерно ли и то, что до недавнего времени все счастливое и прекрасное относилось к старому культуру преимущественно к прошлому?

Такова общая для всех религий легенда о рае, помещавшая счастье людей в далеком прошлом, таковы представления о золотом веке, который обязательно уже миновал.

Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой.

Горя не зная, не зная трудов.

И печальная старость

К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны

Были их руки и ноги. В прахе они жизнь проводили,

А умрели, как будто объятые сном.

Нелюбопытны были им ни в чем неизвестны. Большой урожай и обильный

Сами давали собой хлебодарные земли.

Они же, сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства,

Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных

— воспевал Гесиод «золотой век» 27 веков тому назад.

К промученным обрамлены и фантастические представления о счастье, чистоте и благополучии людей, не «испорченных» еще деятельностью цивилизации, — всякого рода гонимости и тарзавство, столь милые сердцу буржуазии.

Странно думать, но люди мечтали... о прошлом!

И только созревшая в недрах старого общества новая демократическая культура отвернулась от этих туманных картин и обратилась к будущему, сперва утопически, а потом и научно.

Основоположники марксизма впервые развернули перед человечеством научно обоснованную картину будущего. Ее можно было бы назвать историей грядущего. Она была написана с необыкновенной для прошлого конкретностью. В ней было рассказано и об ожесточенной борьбе рабочего класса с буржуазией, и о диктатуре пролетариата, и о том периоде на пути к полной коммунизму, в каком живем сейчас мы.

Замечательно, что в этой истории грядущего, чем дальше отстоят от эпохи капитализма, тем большую роль играет разум, человеческая воля.

И в той мере, в какой история грядущего предоставляет власть над событиями человеческой разумной воле, в той мере эта история является также и планом.

Марксизм впервые создал план переустройства мира на основе объективных исторических и экономических закономерностей, которые открывает разум. План этот получал теоретическое развитие и обогащение в России; здесь, в России, началось его осуществление трудовым народом под руководством партии большевиков.

В жестоких боях, переноса тяжелых испытаний, отстояли рабочие и крестьяне свою страну от натиска объединенных сил империализма и получили власть над грядущим.

Если бы буржуазия была способна хоть на минуту озариться пониманием, что все происходящее в мире с 1917 года есть исполнение исторической необходимости, открытой марксизмом, она увидела бы всю безнадельность и неадекватность своей борьбы с коммунизмом. Но она обречена не понимать. Вот почему она так боится марксистской науки, так стремится искazać марксизм, так затмевает будущее всякими ужасами, прочерчивая о нем подобно апокалипсису. Вот почему она и проповедует «философию только сегодняшнего дня» — безудержный экзистенциализм.

Уже давно известна категория людей, занятых только удовлетворением своих простейших потребностей, которые были названы у нас в России **существователями**, что и соответствует примерно французскому слову «existence». Слово это, впервые употребленное, кажется, Гоголем, всегда ввучало у нас презрительно. Сейчас оно превознесено людьми, которым невидимо смотреть в грядущее и задача которых состоит в том, чтобы отвлечь народные

массы от всякого предвидения, сосредоточить их взгляд только на сегодняшнем дне и этим лишить народ революционного сознания. Никогда еще бесперспективность, близорукость, озабоченность не были столь пышно иллюминированы, как сейчас, во времена упадка капитализма.

Наоборот, именно в будущем обращены марксистско-ленинская философия и дела советских людей. На основе опыта нашей истории мы можем сказать, что получили небывалую власть над грядущим.

Каковы же источники этой власти?

Первым основанием этой власти является знание.

Великий Ленин положил науку в основу планирования народного хозяйства. Над планом ГОЭЛРО работали 200 лучших представителей науки и техники.

В составлении нынешнего плана принимают участие десятки тысяч специалистов, ученых, производственников, хозяйственников — в министерствах, в академиях, в институтах, в исполкомах областей и краев, в республиках... Чтобы составить «историю грядущего пятилетия», они должны использовать все знания законов природы и законов общественного развития, что накопила наука.

Но для того, чтобы осуществить власть над будущим, мало знать законы природы и общества.

В условиях капитализма, в царстве конкуренции и анархии производства люди не могут направлять свое будущее, они вынуждены следовать за стихийно слагающейся конъюнктурой, которая является результатом игры частных собственников интересов. Как бы мощны ни были монополии современного империализма, они могут только обострить противоречия, свойственные капитализму.

И. В. Сталин, выступая на XV съезде партии, подчеркнул ответственную новизну социалистического планирования.

«Ничего думать, что тут нет ничего особенного», — говорил товарищ Сталин. — Нет, товарищи. Это есть нечто особенное и важное, которое должно быть отмечено. Ссылаются иногда на американские, на германские хозяйственные органы, которые будто бы также в плановом порядке руководят народным хозяйством. Нет, товарищи, этого еще не добивались и не добьются там, пока существуют там капиталистические порядки. Чтобы руководить в плановом порядке, надо иметь другую, социалистическую, а не капиталистическую систему промышленности, надо иметь, по крайней мере, национализированную промышленность, национализированную кредитную систему, национализированную землю, социализированную систему с деревней, власть рабочего класса в стране и т. п.

Права, у них тоже имеется нечто вроде планов. Но это есть планы-прогнозы, планы-догадки, которые ни для кого не обязательны и на основе которых невозможно руководить хозяйством страны. Не то у нас. Наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для руководящих органов и которые определяют направление нашего хозяйственного развития в будущем в масштабе всей страны.

Вы видите, что мы имеем здесь принципиальную разницу».

Когда заводы и шахты, земля и баня, железные дороги и парохозяйство, энергетика и жилища стали достоянием народа, в этих областях уже не оказалось ничего такого, что имело бы свои, частные, отличные от народных, интересы. Закон конкуренции и анархии производства, не позволяющий капиталистическому обществу планировать будущее, потерял силу.

И новые закономерности экономической жизни стали проявлять свое действие.

Трудно сдерживать волнение, размышляя о том, что мы стали свидетелями первых проявлений тех законов, которые до нашего времени никогда и нигде не проявлялись.

Буржуазные экономисты искренно полагают, что хотели сделать вид, что никаких новых закономерностей нет и не может быть в природе и в обществе. Поскольку всякий акт против имеющих место законов природы обречен на неудачу, они считали безнадежным осуществление первой пятилетки. Одна швейцарская газета так и писала об этом:

«...мыслимо ли запрять 150-миллионный народ в такой гигантский план и заставить его работать? Даже чисто психологически это настолько невероятно, что надо опасаться, что план разобьется вдребезги о человеческую природу».

А поскольку «человеческой природой» вне общества не существует, надо было понимать, что план разобьется о природу общества, т. е. о закономерности, имеющие место в обществе. Буржуазные идеологи были бы полностью правы, если бы они отрицали возможность пятилетки для буржуазной страны, в которой действуют эти законы капитализма. Но где им было понять, что с гибелью капитализма перестают существовать не только внешние признаки строя, вроде дворцов миллионов, но и внутренние закономерности его, вроде анархии производства? Что на смену им приходит не только дворцы труда, а и новые закономерности, т. е. новые возможности распоряжаться хозяйством!

В приведенной цитате из швейцарской газеты была и еще одна мысль, которая характерна для всех буржуазных идеологов. Они не могут себе представить страсти создания, творчества многомиллионных народных масс. Они обречены видеть эти массы только «запряженными» и не в состоянии видеть их окрыленными.

Между тем окрыленность народа есть сила не менее реальная, чем сила всех электростанций, всех моторов, всех машин страны, хотя по качеству своему и не сравнимая с механическими силами.

Творческий подъем народа не входит в число «коэффициентов», которыми оперирует буржуазная экономическая наука. Ни один современный капиталист в своих планах не решился бы рассчитывать на энтузиазм рабочих.

Великий, кто пережил героические времена начала сталинских пятилеток, вспоминает о нем с трепетом и любовью, хотя оно и было сурово. Все лучше, что таилось в людях, восприняло в них — вся ненависть к рабству, все надежды на светлое будущее, вся вера в то, что партия велит народ по верному пути. Всобщиий самоотверженный труд, на какой только были способны руки

и головы, закинут на необозримых пространствах, и не были для него препятствием ни морозы, ни снежные заносы, ни скудость пищи, ни зыбкие оземь, ни даже то, что человеку надо выспаться хоть иногда. Преодолевать приходилось не только устами: руки не умели, голова не знала многого, что надо было уметь и знать. Враги мешали, как могли, своя интеллигенция еще только сидела за партой, опытных рабочих не хватало, и к новым станкам становились юности и девушки, никаких машин до того не выданы... И сперва толчками, сперва треща и ломаясь, а после все ровнее и все скорее пошли первые конвейеры, первые агрегаты первых 518 строек социализма.

Чем можно объяснить всеобщий творческий подъем, охвативший страну?

Тем, что в этом подъеме проявился основной экономический закон социализма. Когда пала эксплуатация человека человеком во имя наживы за счет чужого труда, — новая цель возникла, и стало возможным ее осуществление: максимальное удовлетворение потребностей всех членов общества. Обеспечить это можно только путем индустриализации, путем неслыханного роста производства.

Эта прекрасная цель окрыляла людей и вдохнула в них богатырскую силу.

Так пошло человечество к овладению своим будущим.

Тот творческий подъем масс, который проглядел критик первых пятилеток и не понимал люди прошлого, есть жизнь каждого советского человека, его повседневность.

...Александр Кутуев, рассказывает «Известия», с Волго-Дона приезжает в Тахта-Таш. Он садится за рычаги бульдозера, чтобы произвести планировку будущей рощи, и, сделав две нормы за день, размышляет об особенностях грунта пустыни и возможностях своего бульдозера. Вечерами он возится с машиной, и вскоре невероятная новость разнесится по Тахта-Ташу: Кутуев выполнил семь норм! Оказывается, он приврал к ноге крылья, которые широко захватывали грунт. Это были вполне железные, не летучие крылья. Но человек, развернувший их перед своим бульдозером, был крылат, как миллионы других советских людей.

...Агроном с глубоко запавшими и наевая прищуренными от ветра и солнца глазами, притесненный из сталинградских степей, чтобы лететь с советской делегацией в Болгарию, говорит:

— Нам нужна третья зерноуборочка на комбайне. Если мы ее получим, мы дадим экономию, какой еще не видали!

...Сталевары «Запорожстали» делают своими мечтами:

— Если нам удастся упрочить под марленовской печи, чтобы он выдерживал длительную форсировку температуры, — мы прыгнем еще на одну ступень в наших скоростных плавах!

...Известный токарь Павел Быков добился скорости резания в 3.200 метров в минуту — 192 километра в час, скорость самолета! Какие же нужны станки, чтобы выдерживать хотя бы и вдвое меньшее напряжение, какие должны быть инструменты! Павел Быков лирирует, но за ним идут десятки тысяч скоростников, и каждый придумывает новое. И вот станкостроители составляют программу своего творчества, как ответ на творчество практиков: надо создать новые системы скоростных станков, надо — и это не менее трудно, не менее важно — модернизировать соответственно с требованиями скоростников полуметаллический станочный парк нашей индустрии.

Вот какие задачи ставит перед наукой и промышленностью творчество масс!

...В станицу Михайловскую, сообщает газета «Социалистическое земледелие», в бригаду Ивана Шацкого, слух о всех концах страны трактористы, комбайнеры, механики, агрономы, председатели колхозов, бригадиры. Побывав тут и представившись крестьян Китая и Полинии... Чем же привлекает людей эта маленькая группа коммунистов, работающих на полях Краснодарского края? Неиссякаемый творчеством, смелой инициативой, успехами в производстве. «Быть примером в труде, овладевать техникой своего дела...» — говорит в проекте измененного Устава партии об обязанностях коммуниста.

...Часовые грабли, часовые маршруты, новые методы использования техники, множество остроумных ухищрений, чтобы выгнать еще час, еще литр керосина, выскоблить еще одного работника, продать жизнь еще одной машины... А результат? А результат тот, что, во-первых, валовой сбор доведен до 155 пудов с гектара в среднем, а еще важнее, что за последние 4 года бригады Ивана Шацкого снизила стоимость обработки каждого гектара более чем на 5 рублей. Теперь привинтыть, сколько рублей получится, если эти пятерку помножить на всю посевную площадь Советского Союза!

Вот какие задачи ставят себе передовики сельского хозяйства, творчески подходу к своему делу!

Все перечисленные выше примеры есть ничтожная доля того, что мы зовем социалистическим соревнованием масс и что делает реальным грандиозный план социализма, проект которого сегодня у каждого на столе.

Знаучая этот проект, мы представляем себе не только все огромные изменения, которые должны произойти на протяжении трех лет: перед нами встает уже то время, когда осуществятся и еще более широкие планы, начертанные товарищем Сталиным в 1946 году.

И мы видим меру нашей власти над грядущим.

С волнением следим мы за тем, как прокладываются на необозримых пространствах Родины рельсы новых железных дорог, как развигиваются, сияя, новые вольткрипильники, подобные величайшим операциям планеты, как миллионами киловатт пополняется запас энергии страны и как эта новая сила, перенесенная за сотни километров, заставляет действовать новые тысячи станков на только что построенных заводах...

По сколь бы ни были огромны эти заводы и на какую бы высоту в светлое небо Родины мы вздымали мачты этих электростанций, выше новых дворцов и мачт поднимается над землей их создатель — человек сталинского времени, человек, получивший власть творить историю грядущего.

Великий, кто пережил героические времена начала сталинских пятилеток, вспоминает о нем с трепетом и любовью, хотя оно и было сурово. Все лучше, что таилось в людях, восприняло в них — вся ненависть к рабству, все надежды на светлое будущее, вся вера в то, что партия велит народ по верному пути. Всобщиий самоотверженный труд, на какой только были способны руки

и головы, закинут на необозримых пространствах, и не были для него препятствием ни морозы, ни снежные заносы, ни скудость пищи, ни зыбкие оземь, ни даже то, что человеку надо выспаться хоть иногда. Преодолевать приходилось не только устами: руки не умели, голова не знала многого, что надо было уметь и знать. Враги мешали, как могли, своя интеллигенция еще только сидела за партой, опытных рабочих не хватало, и к новым станкам становились юности и девушки, никаких машин до того не выданы... И сперва толчками, сперва треща и ломаясь, а после все ровнее и все скорее пошли первые конвейеры, первые агрегаты первых 518 строек социализма.

Чем можно объяснить всеобщий творческий подъем, охвативший страну?

Тем, что в этом подъеме проявился основной экономический закон социализма. Когда пала эксплуатация человека человеком во имя наживы за счет чужого труда, — новая цель возникла, и стало возможным ее осуществление: максимальное удовлетворение потребностей всех членов общества. Обеспечить это можно только путем индустриализации, путем неслыханного роста производства.

Эта прекрасная цель окрыляла людей и вдохнула в них богатырскую силу.

Так пошло человечество к овладению своим будущим.

Величественная перспектива мирного развития советской экономики, открываемая проектом директивы XIX съезда Коммунистической партии по пятилетнему плану, противопоставляет все усиливающемуся гниению и упадку милитаризированной экономики капиталистических стран. В мире империализма, где господствует чистоган, тоже можно нередко услышать слово «план». Его особенно любят пускать в ход правые круги Соединенных Штатов. Ведь именно за океаном возникли все эти «планы» Дауэса — Юнга, Маршалла, Шумана и тому подобные программы империалистического разбоя. Господа заокеанские экономисты немало болтают о «регулирующей» хаоса империалистической погони за наивысшими прибылями, о «планировании» капиталистической экономики, основанной на безудержном ограблении миллионов масс трудящихся кучкой алчных монополистов. Но в устах буржуазных экономистов и их хозяев слово «план» — это заведомый обман, издевка над неискушенными в политике и экономике людьми.

Заключенные западных магов и чародеев от экономики не понимают. Терпят неизбежный крах попытки правых кругов США и их партнеров по агрессивному блоку вырваться из тисков непреодолимых противоречий империализма.

Еще в прошлом году послания президента США конгрессу говорили, что американские правящие круги якобы продолжают «создавать сильную и развивающуюся экономику...». Теперь же за океаном все чаще и чаще раздаются тревожные голоса бизнесменов, буржуазных экономистов и избранных представителей буржуазии.

Журнал «Ньюсвик» от 14 июля 1952 года в статье, озаглавленной «Темпы военного производства растут; забастовка сталелитейщиков может их замедлить», приводит следующие слова и о. руководителя так называемого Управления мобилизации для обороны Стизмана, который заявил, что в апреле — июне этого года «резкое расширение военного производства, запланированное ранее, уже достигнуто».

Далее в статье сообщается: «Объем поставок в денежном выражении возрос приблизительно до 8 млрд. долларов в квартал, что на 20 процентов превышает уровень января — марта месяце. Эта сумма составляет уже три четверти от суммы в 10.500.000.000 долларов, соответствующей квартальному уровню производства, который должен быть достигнут в начале следующего года и сохраняться в течение всего 1954 года».

В то же время американская печать сообщает, что интенсивно развернувшись в США сопутствуют уменьшению покупательной способности населения и сокращению выпуска продукции гражданских отраслей промышленности, 10 августа 1952 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала небольшую заметку «Тревога экономистов». В ней, между прочим, говорится:

«В некоторые моменты, помимо возможного сокращения расходов на оборону, которых опасаются экономисты, не состоящие на государственной службе: Слабый спрос на товары кратковременно пользования, идущие в широком потреблении, — в особенности на текстильные изделия, одежду и обувь, и как результат — низкий уровень производства этих товаров».

Журнал «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт» в № 25 за этот год в статье «Насколько наполнен доллар сегодня?» пишет:

«Если за основу взять 1939 год, считая, что покупательная способность доллара равнялась тогда 100 центам, то в настоящее время ее покупательная способность равна всего лишь 53 центам (в сопоставимых ценах на продукты питания и товары широкого потребления). Доллар потерял 47 центов, или почти половину своей покупательной способности. В конце второй мировой войны доллар стоил, если пользоваться тем же критерием, 77 центов. А непосредственно перед началом войны в Корее — 58 центов».

Количество долларов, находящихся в обращении, возросло по мере падения их покупательной способности. До второй мировой войны в денежном обращении находилось около 70 млрд. долларов. В настоящее время в обращении находится 185 млрд. долларов, причем эта цифра начала снова расти».

А журнал «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт» помещает в № 23 за этот год экономический обзор, снабженный выходящим заголовком: «1952 год: бум — 1953 год: спад?»

Далее читаем:

«Спад может наступить в середине 1953 года, если не будет войны. Иными словами — тогда, когда правительственные расходы минуют наивысшую точку, а закупки потребителей установятся на одном уровне».

На диаграмме, сопровождающей этот экономический обзор, показано предположаемое в 1953 году увеличение безработицы почти втрое по сравнению с существующим уровнем».

Американская печать бьет тревогу по поводу непрекращающегося роста налогов и все усиливающей инфляции.

Официальный бюллетень американского правительства «Мансли леджер» об экономическом состоянии гавернмент файнесс» опубликовал в августе 1952 года информацию, в которой содержится следующие данные: «В текущем году сумма налогов, собранных с населения США, достигла нового рекордного за всю историю уровня, значи-

тельно перекрыл прежний наивысший показатель, относящийся к последнему полному году второй мировой войны. В казну федерального правительства, штатов и местного самоуправления поступит больше денег, чем когда-либо в истории страны. Это является результатом повышения налоговых ставок и введения новых видов налогов».

В заключение приведем высказывание одного из авторитетных американских буржуазных экономистов относительно дальнейших перспектив экономики США. 23 июня 1952 года в журнале «Ньюсвик» было напечатано сообщение под сенсационным заголовком: «Что впереди — спад или новый бум?». В нем, в частности, говорится: «Понижение предсказывают такие люди, как Д-р Льюис Х. Хейни, экономист Нью-Йоркского университета, который предвидит крах 1929 года. Д-р Хейни абсолютно уверен, что нас ожидает спад в этом или в будущем году».

В заключение приведем высказывание одного из авторитетных американских буржуазных экономистов относительно дальнейших перспектив экономики США. 23 июня 1952 года в журнале «Ньюсвик» было напечатано сообщение под сенсационным заголовком: «Что впереди — спад или новый бум?». В нем, в частности, говорится: «Понижение предсказывают такие люди, как Д-р Льюис Х. Хейни, экономист Нью-Йоркского университета, который предвидит крах 1929 года. Д-р Хейни абсолютно уверен, что нас ожидает спад в этом или в будущем году».

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Из высказываний американской печати об экономике Соединенных Штатов

Величественная перспектива мирного развития советской экономики, открываемая проектом директивы XIX съезда Коммунистической партии по пятилетнему плану, противопоставляет все усиливающемуся гниению и упадку милитаризированной экономики капиталистических стран. В мире империализма, где господствует чистоган, тоже можно нередко услышать слово «план». Его особенно любят пускать в ход правые круги Соединенных Штатов. Ведь именно за океаном возникли все эти «планы» Дауэса — Юнга, Маршалла, Шумана и тому подобные программы империалистического разбоя. Господа заокеанские экономисты немало болтают о «регулирующей» хаоса империалистической погони за наивысшими прибылями, о «планировании» капиталистической экономики, основанной на безудержном ограблении миллионов масс трудящихся кучкой алчных монополистов. Но в устах буржуазных экономистов и их хозяев слово «план» — это заведомый обман, издевка над неискушенными в политике и экономике людьми.

Заключенные западных магов и чародеев от экономики не понимают. Терпят неизбежный крах попытки правых кругов США и их партнеров по агрессивному блоку вырваться из тисков непреодолимых противоречий империализма.

Еще в прошлом году послания президента США конгрессу говорили, что американские правящие круги якобы продолжают «создавать сильную и развивающуюся экономику...». Теперь же за океаном все чаще и чаще раздаются тревожные голоса бизнесменов, буржуазных экономистов и избранных представителей буржуазии.

ИХ ПЕРСПЕКТИВЫ...

предрекающих наступление нового «спادا», как они предпочитают именовать экономический кризис.

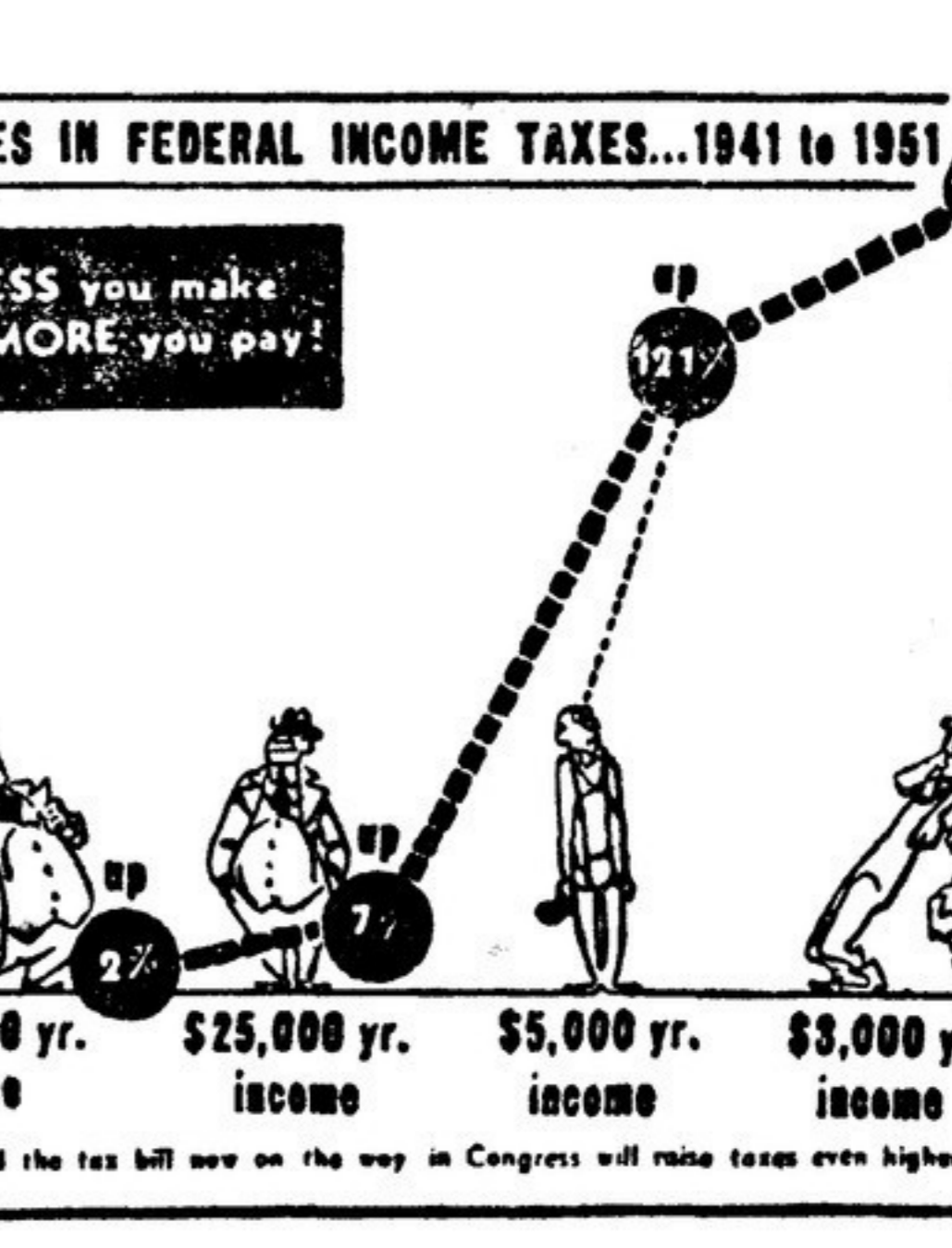
Мы помещаем сегодня ряд весьма характерных высказываний различных органов американской печати. В них содержатся важные признания, говорящие

- о провале военно-инфляционного «бума» как средства поддержания «процветающей» экономики;
- об усилении инфляции и резком обесценении доллара;
- о непрекращающемся росте цен и налогов;
- о низком жизненном уровне и тяжелом материальном положении широких масс трудящихся;
- о том, что перспективы капиталистической экономики США на будущее мрачны...

Все приведенные ниже без каких-либо комментариев данные и высказывания взяты нами из таких американских изданий, как реакционный журнал «Ньюсвик», орган заокеанских монополий газета «Нью-Йорк таймс», рассчитанный на деловые круги журнал «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт», официальный финансовый бюллетень правительства США «Мансли леджер» об экономическом состоянии гавернмент файнесс», неизвестный журнал «Колерс», буржуазная газета «Газетт энд дейли» и орган реакционного руководства Конгресса производителей профсоюзов газета «СЮ ньюс». Заметка о росте стоимости жизни взята из «ЮИ ньюс» — газеты Общероссийского профсоюза рабочих электро- и радиопромышленности.

Вот что в ней сказано: «Августовский отчет министерства земледелия предупреждает о предстоящем в этом году сокращении урожая в США продовольственных культур, тем самым предвещая дальнейшее катастрофическое повышение цен, уже и без того достигших наивысшего за все времена уровня».

Яркой иллюстрацией недостатка продовольствия, который неизбежно поведет за собой головоружительный взлет цен, является резкое уменьшение валового урожая молока. Производство этого важнейшего продукта питания в июле этого года упало до самого низкого уровня за последние 12 лет.

Эта диаграмма, взятая нами из американской профсоюзной газеты «ЮИ ньюс» от 15 июля 1952 года, озаглавлена: «Рост федеральных (то есть взимаемых правительством. — Ред.) подоходных налогов с 1941 по 1951 год».

Надпись сверху слева гласит: «Чем МЕНЬШЕ вы получаете... тем БОЛЬШЕ вы платите!». И действительно: на диаграмме показано, что за это десятилетие налоги, взимаемые в США с лиц, имеющих годовую доход в 50.000 и 25.000 долларов, увеличились соответственно лишь на 2 процента и 7 процентов, в то время как налоги, которые приходится выплачивать американцам, имеющим, например, годовую доход в 5.000 и 3.000 долларов, возросли на 121 процент и 138 процентов!

В заключительной фразе, помещенной внизу, говорится: «...а законопроект о налогах, рассматриваемый в настоящее время конгрессом, приведет к дальнейшему повышению налогов».

Журнал «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт» в № 25 за этот год в статье «Насколько наполнен доллар сегодня?» пишет:

«Если за основу взять 1939 год, считая, что покупательная способность доллара равнялась тогда 100 центам, то в настоящее время ее покупательная способность равна всего лишь 53 центам (в сопоставимых ценах на продукты питания и товары широкого потребления). Доллар потерял 47 центов, или почти половину своей покупательной способности. В конце второй мировой войны доллар стоил, если пользоваться тем же критерием, 77 центов. А непосредственно перед началом войны в Корее — 58 центов».

Количество долларов, находящихся в обращении, возросло по мере падения их покупательной способности. До второй мировой войны в денежном обращении находилось около 70 млрд. долларов. В настоящее время в обращении находится 185 млрд. долларов, причем эта цифра начала снова расти».

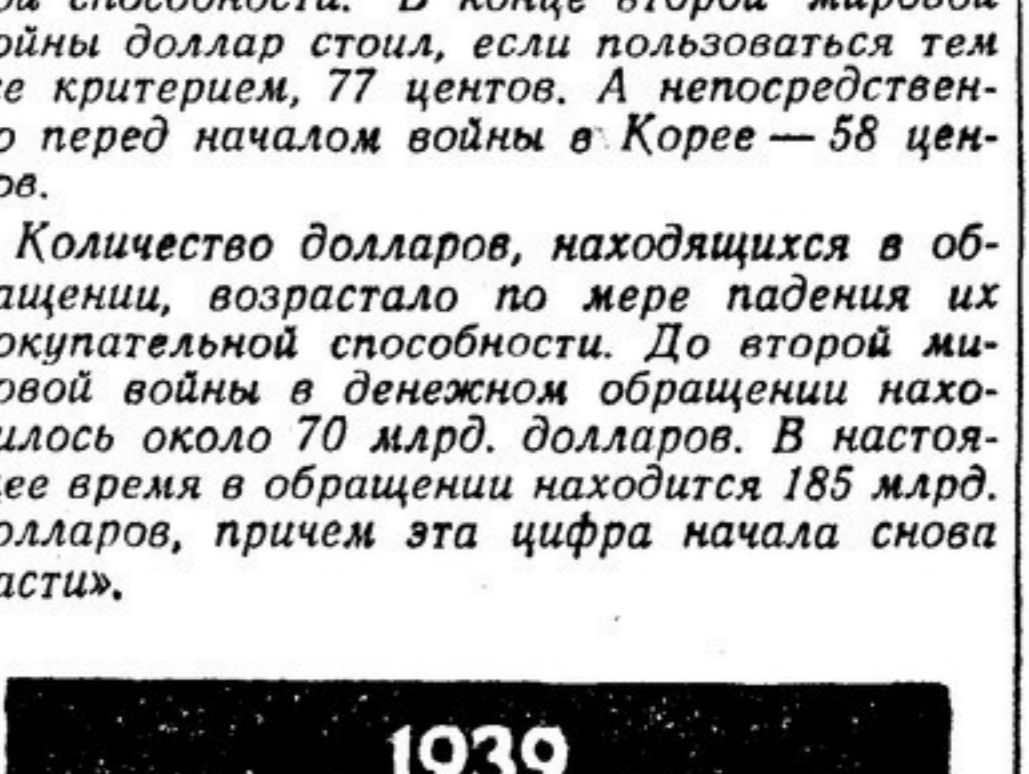

Диаграмма из американской газеты «СЮ ньюс» (№ 5 за 1952 год): «Процент новых жилых домов, построенных для сдачи в наем». Как явствует из схемы, жилищное строительство подобного рода неуклонно сокращается. Газета сопроводила ее следующей подписью: «Диаграмма показывает, что строительная промышленность не в состоянии удовлетворить нужды населения в жилищах, сдаваемых в наем, концентрируя свое внимание на строительстве очень дорогих домов».

А другая профсоюзная газета — «ЮИ ньюс» — в номере от 4 августа этого года опубликовала заметку под таким заголовком: «Шесть миллионов семей в США после 30 сентября будут поставлены перед фактом повышения квартплаты».

Вот что в этой заметке говорится: «По словам руководителя управления стабилизации квартплаты Т. Э. Вудса, квартплатная плата повысится на 20—100 процентов».

Вудс заявил, что наибольшее повышение квартплаты — от 50 до 100 процентов — коснется наиболее дешевых квартир, и предсказал, что взвинчивание квартплаты принесет серьезные экономические трудности и потрясения».

Наконец, в журнале «Болерс» от 12 апреля этого года опубликована статья, в которой содержится такое неожиданное признание:

«Тот факт, что более 4.000.000 жилых домов находится в районах трущоб и многие из них очень стары, является убедительным доказательством того, что частный капитал не может разрешить жилищный вопрос».

В заключение приведем высказывание одного из авторитетных американских буржуазных экономистов относительно дальнейших перспектив экономики США. 23 июня 1952 года в журнале «Ньюсвик» было напечатано сообщение под сенсационным заголовком: «Что впереди — спад или новый бум?». В нем, в частности, говорится: «Понижение предсказывают такие люди, как Д-р Льюис Х. Хейни, экономист Нью-Йоркского университета, который предвидит крах 1929 года. Д-р Хейни абсолютно уверен, что нас ожидает спад в этом или в будущем году».

Величественная перспектива мирного развития советской экономики, открываемая проектом директивы XIX съезда Коммунистической партии по пятилетнему плану, противопоставляет все усиливающемуся гниению и упадку милитаризированной экономики капиталистических стран. В мире империализма, где господствует чистоган, тоже можно нередко услышать слово «план». Его особенно любят пускать в ход правые круги Соединенных Штатов. Ведь именно за океаном возникли все эти «планы» Дауэса — Юнга, Маршалла, Шумана и тому подобные программы империалистического разбоя. Господа заокеанские экономисты немало болтают о «регулирующей» хаоса империалистической погони за наивысшими прибылями, о «планировании» капиталистической экономики, основанной на безудержном ограблении миллионов масс трудящихся кучкой алчных монополистов. Но в устах буржуазных экономистов и их хозяев слово «план» — это заведомый обман, издевка над неискушенными в политике и экономике людьми.

Заключенные западных магов и чародеев от экономики не понимают. Терпят неизбежный крах попытки правых кругов США и их партнеров по агрессивному блоку вырваться из тисков непреодолимых противоречий империализма.

Еще в прошлом году послания президента США конгрессу говорили, что американские правящие круги якобы продолжают «создавать сильную и развивающуюся экономику...». Теперь же за океаном все чаще и чаще раздаются тревожные голоса бизнесменов, буржуазных экономистов и избранных представителей буржуазии.

Журнал «Ньюсвик» от 14 июля 1952 года в статье, озаглавленной «Темпы военного производства растут; забастовка сталелитейщиков может их замедлить», приводит следующие слова и о. руководителя так называемого Управления мобилизации для обороны Стизмана, который заявил, что в апреле — июне этого года «резкое расширение военного производства, запланированное ранее, уже достигнуто».

Далее в статье сообщается: «Объем поставок в денежном выражении возрос приблизительно до 8 млрд. долларов в квартал, что на 20 процентов превышает уровень января — марта месяце. Эта сумма составляет уже три четверти от суммы в 10.500.000.000 долларов, соответствующей квартальному уровню производства, который должен быть достигнут в начале следующего года и сохраняться в течение всего 1954 года».

В то же время американская печать сообщает, что интенсивно развернувшись в США сопутствуют уменьшению покупательной способности населения и сокращению выпуска продукции гражданских отраслей промышленности, 10 августа 1952 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала небольшую заметку «Тревога экономистов». В ней, между прочим, говорится:

«В некоторые моменты, помимо возможного сокращения расходов на оборону, которых опасаются экономисты, не состоящие на государственной службе: Слабый спрос на товары кратковременно пользования, идущие в широком потреблении, — в особенности на текстильные изделия, одежду и обувь, и как результат — низкий уровень производства этих товаров».

Журнал «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт» в № 25 за этот год в статье «Насколько наполнен доллар сегодня?» пишет:

«Если за основу взять 1939 год, считая, что покупательная способность доллара равнялась тогда 100 центам, то в настоящее время ее покупательная способность равна всего лишь 53 центам (в сопоставимых ценах на продукты питания и товары широкого потребления). Доллар потерял 47 центов, или почти половину своей покупательной способности. В конце второй мировой войны доллар стоил, если пользоваться тем же критерием, 77 центов. А непосредственно перед началом войны в Корее — 58 центов».

Количество долларов, находящихся в обращении, возросло по мере падения их покупательной способности. До второй мировой войны в денежном обращении находилось около 70 млрд. долларов. В настоящее время в обращении находится 185 млрд. долларов, причем эта цифра начала снова расти».

А журнал «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт» помещает в № 23 за этот год экономический обзор, снабженный выходящим заголовком: «1952 год: бум — 1953 год: спад?»

Далее читаем:

«Спад может наступить в середине 1953 года, если не будет войны. Иными словами — тогда, когда правительственные расходы минуют наивысшую точку, а закупки потребителей установятся на одном уровне».

На диаграмме, сопровождающей этот экономический обзор, показано предположаемое в 1953 году увеличение безработицы почти втрое по сравнению с существующим уровнем».

Американская печать бьет тревогу по поводу непрекращающегося роста налогов и все усиливающей инфляции.

Официальный бюллетень американского правительства «Мансли леджер» об экономическом состоянии гавернмент файнесс» опубликовал в августе 1952 года информацию, в которой содержится следующие данные: «В текущем году сумма налогов, собранных с населения США, достигла нового рекордного за всю историю уровня, значи-

тельно перекрыл прежний наивысший показатель, относящийся к последнему полному году второй мировой войны. В казну федерального правительства, штатов и местного самоуправления поступит больше денег, чем когда-либо в истории страны. Это является результатом повышения налоговых ставок и введения новых видов налогов».

В заключение приведем высказывание одного из авторитетных американских буржуазных экономистов относительно дальнейших перспектив экономики США. 23 июня 1952 года в журнале «Ньюсвик» было напечатано сообщение под сенсационным заголовком: «Что впереди — спад или новый бум?». В нем, в частности, говорится: «Понижение предсказывают такие люди, как Д-р Льюис Х. Хейни, экономист Нью-Йоркского университета, который предвидит крах 1929 года. Д-р Хейни абсолютно уверен, что нас ожидает спад в этом или в будущем году».

В заключение приведем высказывание одного из авторитетных американских буржуазных экономистов относительно дальнейших перспектив экономики США. 23 июня 1952 года в журнале «Ньюсвик» было напечатано сообщение под сенсационным заголовком: «Что впереди — спад или новый бум?». В нем, в частности, говорится: «Понижение предсказывают такие люди, как Д-р Льюис Х. Хейни, экономист Нью-Йоркского университета, который предвидит крах 1929 года. Д-р Хейни абсолютно уверен, что нас ожидает спад в этом или в будущем году».

В заключение приведем высказывание одного из авторитетных американских буржуазных экономистов относительно дальнейших перспектив экономики США. 23 июня 1952 года в журнале «Ньюсвик» было напечатано сообщение под сенсационным заголовком: «Что впереди — спад или новый бум?». В нем, в частности, говорится: «Понижение предсказывают такие люди, как Д-р Льюис Х. Хейни, экономист Нью-Йоркского университета, который предвидит крах 1929 года. Д-р Хейни абсолютно уверен, что нас ожидает спад в этом или в будущем году».

ОБРАЗ КОММУНИСТА

Певец своего народа

Г. НЕЙГАУЗ

Глинка Б. Смирнов, дав
нам Глинку радостного,
несмотря на все его страдания,
сверхающего силой
своего гения, полного
любви, человечности, веры в свой народ,
в светлое будущее родного общества.

В исторических материалах, опубликованных Центральным Комитетом ВКП(б) накануне XIX съезда партии, с необычайной яркостью отражены великая преобразующая и созидательная сила Советского государства и образный образ носителя этой силы — образ передового человека Сталинской эпохи, лучшего сына народа, члена Коммунистической партии.

При чтении проекта измененного Устава партии ясно, во всей полноте моральных качеств встает перед нами образ коммуниста.

Воплощение образа коммуниста — одна из главных задач советского театра, советского актера. На этом образе мы должны воспитывать в зрителях активных строителей коммунизма. Мы должны своим искусством добиться того, чтобы вместе с ролью прославить «дурной пример заразителен» окончательно утвердился новый: «хороший пример заразителен». Хороший пример, пример настоящего коммуниста всегда находит отклик в народе. Очень часто мы обнаруживаем черты коммуниста в беспартийном советском человеке, и про такого человека у нас обычно говорят: он работает по-большевистски. Так сама жизнь призывает к этому. И на сцене мы должны сделать этот пример особенно ярким и доходчивым. А для этого необходимо, чтобы на нашей сцене жили, работали, боролись и побеждали люди живые, интересные, талантливые, люди глубокого, светлого ума, широкой, красивой души.

В нашем театральном искусстве, в советской драматургии созданы яркие, глубокие образы большевиков — образы, на которых воспитывались целые поколения людей. Вспомним Пекланова из «Бронепоезда 14-69» В. Иванова, Артема Годуна из «Разлома» В. Лавренева. У Пекланова зрители учились великой вере в победу своего дела, вере в силу народа, умению объединять людей, организовать их. Годун заражал их огромной, всепоглощающей, уверенной мечтой о новой жизни; он был примером твердости, решительности, железной воли. И не отвлеченными носителями замечательных качеств были Пекланов и Годун; это были живые люди, со своими особенностями характера.

С удовольствием вспоминаю свою работу над ролью большевика Береста в «Платоне Кречете» А. Корнейчука. Про Береста — председателя исполкома один из персонажей говорит: «Великий мастер жизни». И действительно, активное вмешательство во все области жизни, неутомимая энергия, с какой работает и живет Берест, его умение глубоко, по-большевистски вникать в суть вопроса, ясно видеть конечную цель своего и общего труда — вот что определяло в нем истинного коммуниста.

В пьесе Мотылькова «Слава» В. Гусева, в творческом горении передового военачальника Огнева («Фронт» А. Корнейчука), в боевой устремленности и непримиримости парторга Орлова («Далеко от Сталинграда» А. Сурова), в глубокой человечности Воробьева (инсценировка «Счастье» И. Павленко) видны зрители черты передовых коммунистов.

Умеют ли наши драматурги закрепить и продолжить эти хорошие традиции? В какой мере удается им воплотить богатый, сложный, многогранный образ коммуниста нынешнего дня?

Скажу прямо, не боясь впасть в ошибку: за последние два-три года трудно назвать пьесу, в которой присутствовал бы по-настоящему яркий, глубоко разработанный образ коммуниста, развивающий и дополняющий те черты, которые уже созданы были драматургией и театром. В образах этих редко чувствуешь наем на живую человеческий характер, стремление автора показать индивидуальное в герое.

Обходя творческие трудности, ступая по проторенным дорожкам, иные драматурги не брезговали штампом, и это привело к

вожжики нудные поучения Данилова («Государственный советник» М. Сагаловича и Б. Фаганова).

Часто считают: драматург написал образ, а актер должен сделать его осязаемым. Некоторые критики порой так и пишут: «Актер А. не сумел сделать осязаемым персонаж К.».

Что же значит быть осязаемым героем? Это значит, прежде всего, быть умным, целеустремленным, волевым, это значит обладать сердцем и умом зрителя. И если ты, созданный на сцене образ коммуниста, не можешь добиться того, чтобы на всем протяжении действия крепкие внутренние нити связывали тебя со зрительным залом, то, как бы он сценически ни уверял зрителя, что мол, герой «с народом», он — этот герой — на деле будет оторван от него.

Конечно, иногда актеру приходится вносить «обязанности» в холодный, отштампованный образ. В этом случае обращаются к приемам чисто технического мастерства: контрастно меняешь ритм, прибавляешь к неожиданным интонациям, убавляешь, притупляешь смеху и т. п. Но все равно зритель, уходя со спектакля, не забудет о ком-то, кто был драматургическим образом по существу, а не просто тебе его. Мы ждем, чтобы драматургический образ по существу был осязаемым, чтобы сам материал ставил перед актером задачу — ярче, интереснее, выразительнее раскрыть характер роли. Вот тогда, в случае неудачи исполнителя, критик получит право написать: «Обязательно написанный автором образ К. актер А. не сумел вскрыть».

Жокауд, ни к кому в пьесе зритель не относится с такой строгостью и придирчивостью, как к образам партийных руководителей. Ведь эти образы для него самые любимые и дорогие. Поэтому их создание должно быть наиболее серьезной проверкой мастерства драматурга и актера.

Образ партийного руководителя, как никакой другой, должен быть рожден в душе автора, выношен им, а не написан в предостережение возможного вопроса критики: «А где же у вас партийный руководитель?» Но всеобщим хитом был секретарь горкома Ильина из «Товарищ-москвич» И. Кашкаданова и С. Королькова, колхозный парторг Чуцаева из «Второй любви» Е. Малыгина и Н. Венкстера, Адылова из «Шелкового сезона» А. Рахара, и мы увидим, что это самые бледные фигуры в названных пьесах.

В пьесе А. Штейна «Закон чести» секретаря партбюро института Каримова зритель вряд ли даже запомнит. Это дежурная фигура, без характера, без поступков. И разве можно себе представить, что К. Каримову, как и партийному руководителю, придет за советом, за помощью такой человек, как Верейский, — персонаж, в котором зрители обнаруживают подлинные качества передового большевика.

Думается, что пример пьесы Штейна, где рядовой коммунист на десять голов выше парторга, где образ Верейского поднимает зрительский зал, зажимает его своей энергией, умом, волею духа, а образ Каримова не вызывает у зрителя никакого отрывного отклика, говорит о недостаточном чувстве ответственности, с которым драматурги работают над созданием образа партийного руководителя.

Часто актерам приходится вслух удивляться упреки зрителей: «Ну, скажите, — говорят нам, — почему в вашем спектакле партийного работника лишили права на личную жизнь, почему он утратил все человеческое?». Ответить на этот вопрос трудно. Ведь в самом деле, и любовь, и дружба, и радость, и огорчения, и домашние заботы, и радости — все это есть в жизни коммуниста. А на сцене вместо живого образа коммуниста зачастую показывается «сухарь», которому недоступны естественные человеческие чувст-

ва. Но в последнее время приходится встречаться и с явлениями другого порядка. Чтобы придать своему герою хоть какие-то живые черты, драматург пытается «утеплить» образ, искусственно надевая его таинные аксессуарами, как жанра героические застеночные тосты, или любовь к книгам, или хорошее отношение к детям. Конечно, все это очень хорошо: веселые тосты, любимые книги, забота о детях. Но хорошим оно становится только тогда, когда зритель видит во всем этом органические свойства героя, сливающиеся в цельный, всеосторонне выжженный характер.

В «Платоне Кречете» есть сцены, показывающие Береста вместе с дочкой Майей, которую он воспитывает один, без матери. Эти обстоятельства жизни Береста, вытекающие из его биографии, возмущают нас, сблизив его с героем, раскрывая с новой силой его образ.

А вот когда Бахши, секретарь обкома из пьесы «В наши дни» А. Софронова, разговаривая по телефону, узнает, что его сын разойсся вырвуть, то нам непонятно, для чего существует этот разговор в пьесе. Только для того, чтобы зрители узнали, что у секретаря обкома есть сын? Но ведь это решительно ничего не изменяет в движении пьесы, ничего существенного не добавляет к характеристике Бахши.

Должен остановиться еще на одном, на мой взгляд, очень важном моменте. Воспитание зрителя — это не только воспитание на образе положительного героя; это и разоблачение отрицательных сторон, критика недостатков, мешающих формированию цельного образа коммуниста. На партийных собраниях, партийных конференциях, которые происходят и происходят сейчас в стране, коммунисты вскрывают недостатки в работе своих организаций, резко выступают против членов партии, допустивших в своей деятельности ошибки. Залита театра — с такой же остротой и непримиримостью бичевать поступки, недостатки коммуниста. Вспомним «Фронт» А. Корнейчука, «В одном раскоре» А. Софронова, «Обиду» А. Сурова. Раскрывая перед зрителем серьезные недостатки коммунистов, поданных Горюлов, Ратникова, Костюшину, эти пьесы помогали искоренять эти недостатки, бороться с ними.

Мне, например, кажется, что очень важно средствами театра разоблачить такого члена партии (а у нас подобных людей еще немало), который считает, что можно быть коммунистом лишь на работе, оставляя обязательством дома, походяком в дружеской компании. Или осудить коммуниста, считающего, что, покрываясь те или иные недостатки, он уже выполнил свой долг, а добывать их исправления — не его дело.

Показ отрицательных сторон, еще не изжитых некоторыми коммунистами, опираясь в методах их работы и руководства — это также будет нашей помощью в большом ответственном деле партии по воспитанию образного коммуниста.

Говоря главным образом, о недостатках, о слабостях наших, я, в первую очередь, веду разговор с драматургами — создателями образа коммуниста на сцене. Но никто из нас, работников театра, ни на минуту не должен забывать, какая ответственность лежит на режиссерах и актерах, воплощающих в живых характерах созданные автором образы. Глубокое знание жизни, знание основ марксизма-ленинизма — первые и главные условия нашей успешной работы. Но этого мало. Высокая требовательность к драматургу при приеме пьесы, к себе — во время ее репетиций, большая совместная работа с автором над образом коммуниста в период, когда пьеса еще может совершенствоваться, наконец, сохранение идейного звучания образа и дальнейшего его углубленного раскрытия в последующих спектаклях — все это во многом поможет нам оплатить наш общий долг народу.

Совершенно правильно поступили и режиссер Г. Александров и исполнитель роли

50 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ Э. ЗОЛЯ

Вчера в Москве, в Октябрьском зале Дома союзов состоялось торжественное заседание, посвященное 50-летию со дня смерти выдающегося французского писателя-реалиста Эмиля Золя.

Открыл заседание Б. Горбатов, который изложил биографию писателя-труженика, создавшего монументальную серию реалистических романов, отразивших целую историческую эпоху Франции.

С докладом «Золя и современность» выступил кандидат филологических наук В. Николаев, говоривший о художественном и социальном значении творчества писателя, его связи с русской литературой XIX века, о близости его творчества советскому читателю.

Заметки об университетских программах

Мариэтта ШАГИНИЯ

В жаркий июльский день я предприняла восхождение на одну из горных вершин города Москвы. Я восходила на 32-й этаж нового здания МГУ, вставшего, как «лих», над краем Ленинских гор. И по мере подъема знакомилась со всеми чудесами, какие созданы умной мыслью проектировщиков, помноженной на знания ученых, дарящего счастливого поколения советских студентов.

Вот активный зал — в полтора раза больше Колонного зала Дома союзов. Здесь будет искусственный «климат», регулируемый специальными установками, — вентиляция по последнему слову техники, всасывающая дыхание человеческих масс и насыщающая зал непрерывным свежим потоком кислорода. Не станет в этом зале нервной усталости от скученности и многолюдия. Вот лифт на 19-й этаж. Поднимаюсь в обыкновенном лифте на такой этаж, вы вполне успели бы съезть бустера или прочесть страничку пять до места назначения; а здесь — не успели войти, как (словно на аэродроме при посадке!) вдруг чувство приземления: приехали! Вот аудитория, где голос лектора будет слышен отовсюду, а не только с первых скамей, и если вы заблудитесь — слушайте в собственном кабинете: аудиотренировки радиодиффузией. В помощь лектору киноэкран, музей земледелия; при аудиториях две боковые комнаты «препараторные», где заранее можно приоткрыть наглядный материал к лекции, все, что необходимо для демонстрации. Шедро использованы электрические надписи, цветные светящиеся названия, графики. Кроме обычных шрифтов и препапаратов для микроскопа, — муляжи из воска, макеты микроорганизмов, увеличенных в сотни раз. У каждого факультета своя библиотека. Хотите изучить действие климата — влажного, сухого, арктического — на растительный и животный мир, идите производить опыты в камеру искусственного климата, воссоздающую для вас любой из них. Хотите узнать, как вибрационным способом загоняются в грунт тяжелые сваи, — отряпайтесь смотреть работу вибрационной установки. Огромное количество наглядных пособий, манящих: карт, коллекций для любознательного мозга в любой из областей преподаваемых тут наук.

Такое «материальное тело» нового храма науки, созданного в начале второй половины XX века — века перехода к коммунизму. Шедрость и удобство новых усло-

вий для обучения обязывают не только тех, кто будет учиться, но и тех, кто будет учить. На днях на Московской X областной партийной конференции проректор Московского университета тов. Г. Фомченко справедливо признал это. Он сказал:

«Строительство нового здания на Ленинских горах вызывает необходимость в пересмотре содержания научно-исследовательской, учебной и воспитательной работы в университете».

Но начат ли такой пересмотр? В каком направлении ведется он, если уже начал? В каком направлении думают его вести, если этот пересмотр еще предстоит? Вопросы огромной важности встали сейчас, в связи с проектом дирекции XIX съезда партии, перед нашими министерствами высшего образования и просвещения, перед учеными советами, методическими кабинетами и кафедрами. Нужно ликвидировать все еще существующий разрыв между последним классом средней школы, который предстоит большая перестройка в сторону политехнизации, и первым курсом высшей; нужно обдумать разницу между нашими университетами (в основном выпускающими не только ученых, но, главным образом, педагогов) и институтами, выпускающими специалистов; нужно решить назревшие вопросы самой методики преподавания... И все это упирается в первую задачу: анализа и тщательного изучения учебных планов и программ, уже поданных и принятых на начавшейся академической год.

И не была в учебной части МГУ с 30-х годов, когда в качестве депутата Моссовета, мне пришлось обследовать работу методических кабинетов московских вузов и вузов. И вот, совершенно так же, как в 30-х годах, мне стали жаловаться на страшную перегруженность учебных планов, почти не оставляющую студентам свободного времени для самостоятельного чтения. С каждым годом все прибавлялось и прибавлялось новые курсы. Прибавлялись, например, на гуманитарных факультетах, как общеобразовательная, история философии, а это — 100 часов. Исторический факультет так перенасыщен, что его назвали, наконец, нужным посократить за счет литературы: раньше обязательными предметом шла история русской литературы, сейчас оставили только одну историю совет-

ской литературы. Есть курсы, дублирующие другие курсы; есть курсы, излагающие отрывочно от развития общества; например, «История политических учений» на юридическом факультете. Вместе с тем не разработаны специальные дисциплины уголовного-правового цикла. На философском факультете введены обязательные курсы по физике и химии. В его программах — и основы современной физики, и основы современной математики, и дарвинизм, и китуринское учение, и это замечательно! Однако же в этих курсах, судя по перечисленному в программах, все еще недостаточно учитываются запросы данного факультета со специфическими интересами именно его учащихся. Не знаю, существуют ли особые учебники, скажем, по физике для философов, обязанных глубоко понимать проблемы науки, заглядывая в ее будущее, уметь обобщать результаты ее опытов диалектико-материалистически, полагая этим самим физиком. А какие интересные учебники могли бы создаться из лекций о точных науках, преподаваемых для философов, под философским углом зрения! Эти учебники бесспорно пригодятся бы и на новом факультете журналистики.

Костяком учебного плана являются девять общеуниверситетских предметов, обязательных почти для всех факультетов. Это: 1) основы марксизма-ленинизма; 2) политэкономия; 3) диалектика и истмет; 4) история философии; 5) иностранный язык; 6) физическое воспитание; 7) логика; 8) педагогика; 9) общий курс по истории техники.

В нас очень много нового не только для нас, стариков, кончающих университет до революции и переучивавшихся в высших школах 30-х годов, но и для среднего поколения, кончающего наши вузы в 40-х годах. Большие и серьезные изменения, сделанные в программах за последние годы, состоят, правда, главным образом, в накоплении черт нового, а не в попытках синтеза их. Но эти накопившиеся черты нового так велики, что на них следует остановиться подробнее.

Первое, что бросается в глаза, — это огромная работа по выработке правильно построенного и четко изложенного курса марксизма-ленинизма. Партийной учебной работой весь наш народ. Его анализировали систематически в наших партийных органах. За несколько лет выросла целая армия консультантов и преподавателей. Опыт этих преподавателей (вопросы слушателей, постоянное связывание каждой темы с политическими событиями дня) учитывается, систематизируется, влет в дальнейшему

улучшению и углублению программы. И когда читаешь университетскую программу марксизма-ленинизма, видишь, как широко она охватывает все то, что мы, писатели, в течение нескольких лет изучали сравнительно разрозненно, по нескольким курсам. Невольно приходит в голову такая мысль: у писателей, инженеров человеческих душ, ведущего отряда советской интеллигенции, партийная учеба обязательна только для коммунистов (да и то некоторая часть, учится формально и спустя рукава, некоторая — отвлеченно). Беспартийные же писатели могут учиться и не учиться. И некоторая часть из них, действительно, не училась и не учится. Между тем все без исключения новое поколение учащихся, все молодые граждане нашего Союза, самые активные наши читатели, учащие марксизму-ленинизму. Не может ли оказаться, что наш читатель попросту перерастет нас, перерастет в самом главном — в политическом уровне сознания?

Второе — это огромная роль новых трудов товарища Сталина, а также проведенных в нашей стране дискуссий в деле изменения и усовершенствования университетских программ. Обсужденные книги об истории западной философии тов. Александра совершенно перенерули программу по истории философии. Сейчас вся установка программы новая: «История философии, как история зарождения, возникновения и развития научного материалистического мировоззрения». Очень большое место уделено русской философии. История буржуазной философии, которую мы раньше зубрили на Вильгельмиде и которая, в сущности, и составляла все содержание курса, отведена значительно меньше часов.

Очищающая буря, поднятая знаменитой биологической дискуссией во Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени Ленина, на которой были разбиты менделеевизм и морганизм, радикально отразилась на программах естественных наук, а нарловская дискуссия (в Академии наук) резко повлияла не только на соответствующие курсы (по физиологии и биологии), но и на общий курс педагогики, введя в его программу учение о первой и второй сигнальной системе.

Труд товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» отразился буквально в каждой программе по одной, то другой своей стороне, притом вовсе не только в постановке вопросов о языке, о коммунистической морали (в программе педагогики), о неполноте аргументов аргументов режима в науке, о духе свободного обсуждения, необходимом для развития науки, но и в разборе всех этих вопросов. Такая связь учебных программ и планов с живым партийным и общественным твор-

чеством нашего народа, с выработываемыми коллективно передовыми положениями науки, с передовым фронтом развития советской общественной мысли очень важна. Эта связь не дает программе застыть, окаменеть, оторваться от жизни, она непрерывно обновляет ее, заставляет дерево науки снова и снова переживать весну и цветение. И это связано с третьим обстоятельством.

Третье — это хронологические рамки, принятые в программах. Мы были десятилетиями воспитаны на том, что изучалось прошлое. Скажем, показало себя сумасшедшим, если б профессор новой истории в 1910 году читал бы вам по программе, которая доводила события до этого 1910 года. Но не только в дореволюционное время. И в 40-х годах нашего века программы еще отставали от познания сегодняшнего дня. А сейчас мы видим, что, например, курс марксизма-ленинизма доводит программу до послевоенной пятилетки, до 50-х годов, до учения товарища Сталина о постепенном переходе от социализма к коммунизму. Общий курс по истории техники тоже доходит до послевоенного периода, 50-х годов, и даже заканчивается взглядом на будущее в специальной главе программы, называющейся «Перспективы». Печать современности и жизненности — и на таких общих курсах, как «Физическое воспитание» (но это еще само собой понятно) и «Преподавание иностранного языка» (что более неожиданно). В объяснении цели курса иностранного языка имеется, например, такое утверждение: «Следствием формирования материалистического взгляда на язык». И тут же, в самой программе, попадаются замечательные вещи, настолько интересные, что невольно хочется выписать их для себя. У нас для новых явлений нового хозяйства имеются и новые термины. Старые слова, раньше употреблявшиеся в одном значении, сейчас наполняются другим смыслом, например, «сравнительное», «народное учение». Но в старом мире те же слова еще имеют старое значение. Поэтому при переводе даются любопытные отговорки: одно и то же слово, например, когда речь идет о нашем хозяйстве, означает современно, а когда о капиталистическом — нонумеренно, и т. д.

Так одно только чтение этой программы становится поучительным, показывает, как изменился язык человеческий в зависимости от изменения общества. Сейчас, когда рядом с нами появились страны народной демократии, великая Китайская Народная Республика, Демократическая Республика Германия, проблема развития европейских языков получает новое значение. И тут мы подходим к четвертому обстоятельству.

Конгресс в Пекине

Генрих БРАНДВЕЙНЕР,
член Всемирного Совета Мира

В эти торжественные дни празднования третьей годовщины провозглашения Китайской Народной Республики здесь, в Пекине, идут последние приготовления к Конгрессу сторонников мира стран Азии и Тихого океана.

Конгресс, который продлится семь дней, открывается 2 октября. На нем будут представлены 42 страны. Из 462 делегатов, приезд которых ожидается, около четырехсот человек уже прибыли в Пекин. Пятьдесят государств прислали своих наблюдателей, шесть международных организаций представили особыми делегатами.

В заседаниях Подготовительного комитета уже участвуют прибывшие в столицу Китая японские делегаты. Несмотря на то, что они не получили паспортов, эти борцы за мир не отступили перед трудностями и приехали в Пекин. Большое внимание уделяло присутствующим на заседании, когда руководитель японской делегации заявил:

«Японский народ не позволит положительным войнам развязать новую войну в Азии и районе Тихого океана. Японский народ хочет сотрудничать с другими народами и объединиться с ними в борьбе за мир. Величайшая честь для японского народа идти в этой борьбе вместе с китайским народом и с другими народами стран Азии и Тихого океана».

Эти слова были встречены бурными аплодисментами.

Японская проблема занимает, естественно, важное место в повестке дня Конгресса. И действительно, по своему значению для Азии этот вопрос равен германскому вопросу, который также волнует не только Европу, но и весь мир.

Сознание того, что мир неделим и что война и агрессия в Азии представляют опасность для всего мира, необходимо внутри и народам Западной Европы. Как единственный делегат, приглашенный на Конгресс в Пекине от народов, говорящих на немецком языке, я считаю своей задачей сделать все для того, чтобы простые люди у нас поняли эту взаимосвязь и взаимозависимость.

Когда я возвратился на родину со второго Всемирного конгресса сторонников мира, происходившего в Варшаве, многие в Австрии задавали мне вопрос, почему я, будучи руководителем австрийской делегации, говорил в связи с Австрией и о Корее. Я ответил тогда и повторяю сегодня, что в том положении, в каком находится наша страна, а также Германия, есть много общего с ситуацией, которая имела место в Корее перед началом американской агрессии. Это именно так, ибо австрийский министр иностранных дел открыто заявил, что он намерен действовать в направлении наследственного решения австрийского вопроса с помощью... Объединенных Наций.

рука об руку с борьбой за мир. И потому требование национальной независимости включено в повестку дня Конгресса.

Обеспечить независимость, свободу и мир народам стран Азии и Тихого океана; бороться против гонимых и полуголодной новой кровавой войны; выступать против пропаганды войны и преследования сторонников мира; объявить вне закона атомное, а также химическое и бактериологическое оружие; заклеймить беспорядочные бомбардировки и массовые убийства гражданского населения — другими словами, сохраняя порядок и законность в области международных отношений, а там, где они нарушены, восстановить их, — такой круг проблем, по которым высказывает свое мнение Конгресс сторонников мира в Пекине. Все это — цели, в осуществлении которых заинтересован каждый человек доброй воли, в какой бы части света он ни находился, каких бы политических убеждений и мировоззрения ни придерживался.

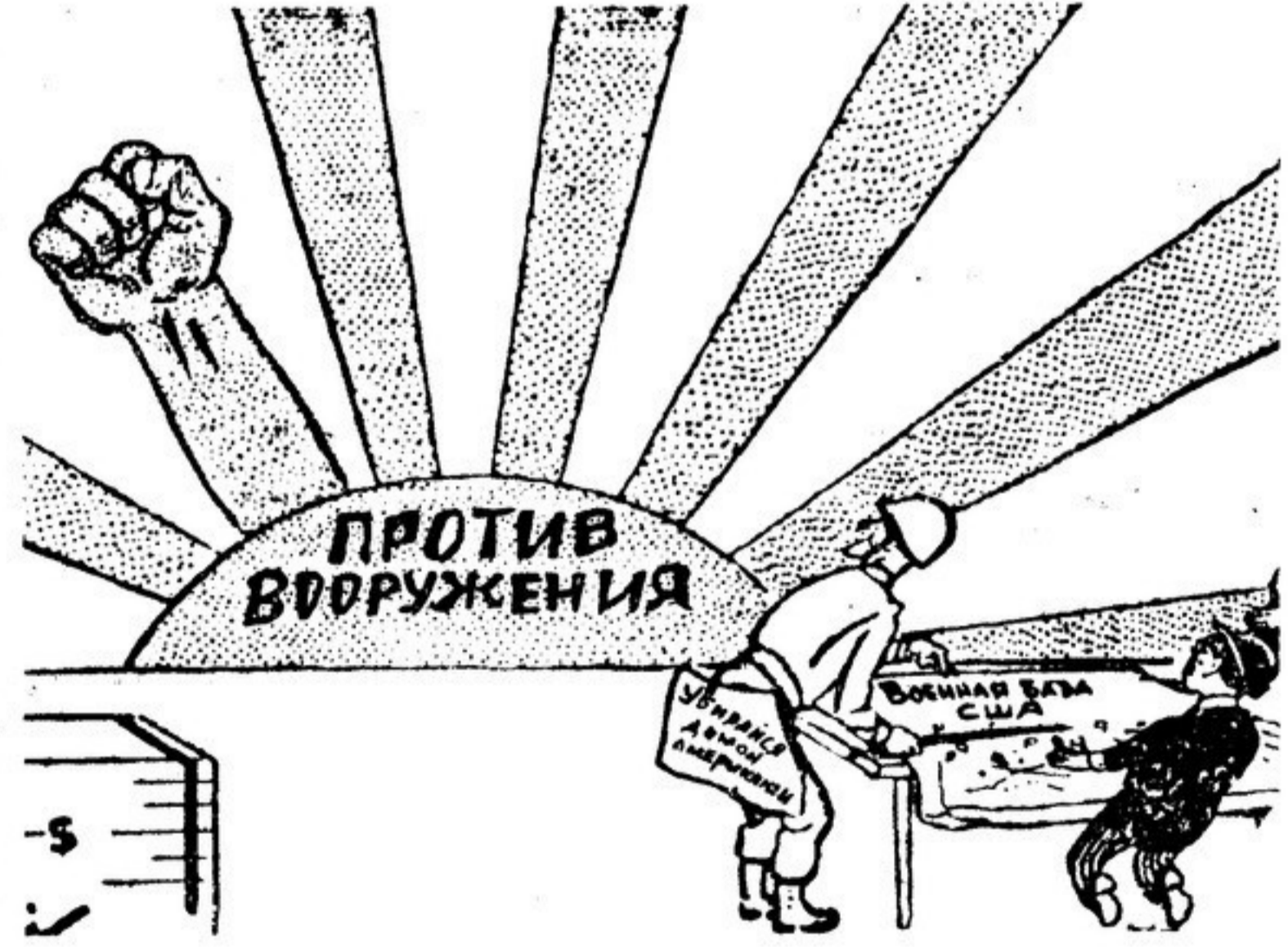
Наряду с этим на Конгрессе будет рассмотрено, как мы уже сказали, вопрос о демилитаризации Японии, а также вопрос о мирном разрешении корейского конфликта на разумной основе, о прекращении войны во Вьетнаме и Малайе. Необходимо предотвратить превращение Японии в плацдарм для нападения на азиатский материк. Нужно положить конец истреблению корейского народа, переживающего все ужасы самых бесчеловечных методов ведения войны.

Эти две проблемы глубоко волнуют сейчас простого человека в Европе, простого человека, уже начавшего понимать, что от решения германского вопроса зависит судьба его родной страны. Ибо те же силы в Соединенных Штатах, которые развязали войну в Корее, стремятся создать в Западной Германии и Западной Австрии базу для новой агрессии и снова превратить Европу в поле кровавой войны народов.

Народ Японии, так же как и население Западной Германии, оказывает сопротивление реализации этих империалистических планов. В Японии, так же как и в Германии, исход борьбы между силами мира и силами войны имеет решающее значение для дела мира во всем мире.

Работа Пекинского конгресса сторонников мира, несомненно, привлечет пристальное внимание миролюбивых народов Европы. Если 1.600 миллионов человек, представленных на Конгрессе сторонников мира стран Азии и Тихого океана, выразит единодушную свою волю к миру, — ни одна сила в мире не сможет сломить эту волю!

ПЕКИН. 1 октября. (По телеграфу)

Новое восходящее солнце над Японией. Рисунок худ. Габриэля из английской газеты «Дейли уоркер»

Не конец, а только начало

Т. ВАЛЬДЕН

Германия бурлит — так можно охарактеризовать настроение народных масс на востоке и западе страны после поездки делегации Народной палаты в Бонн. Составлялась после возвращения делегация в Берлин массовая демонстрация показала, с какой благодарностью и возмущением приветствовало население германской столицы своих посланцев и их мирную миссию.

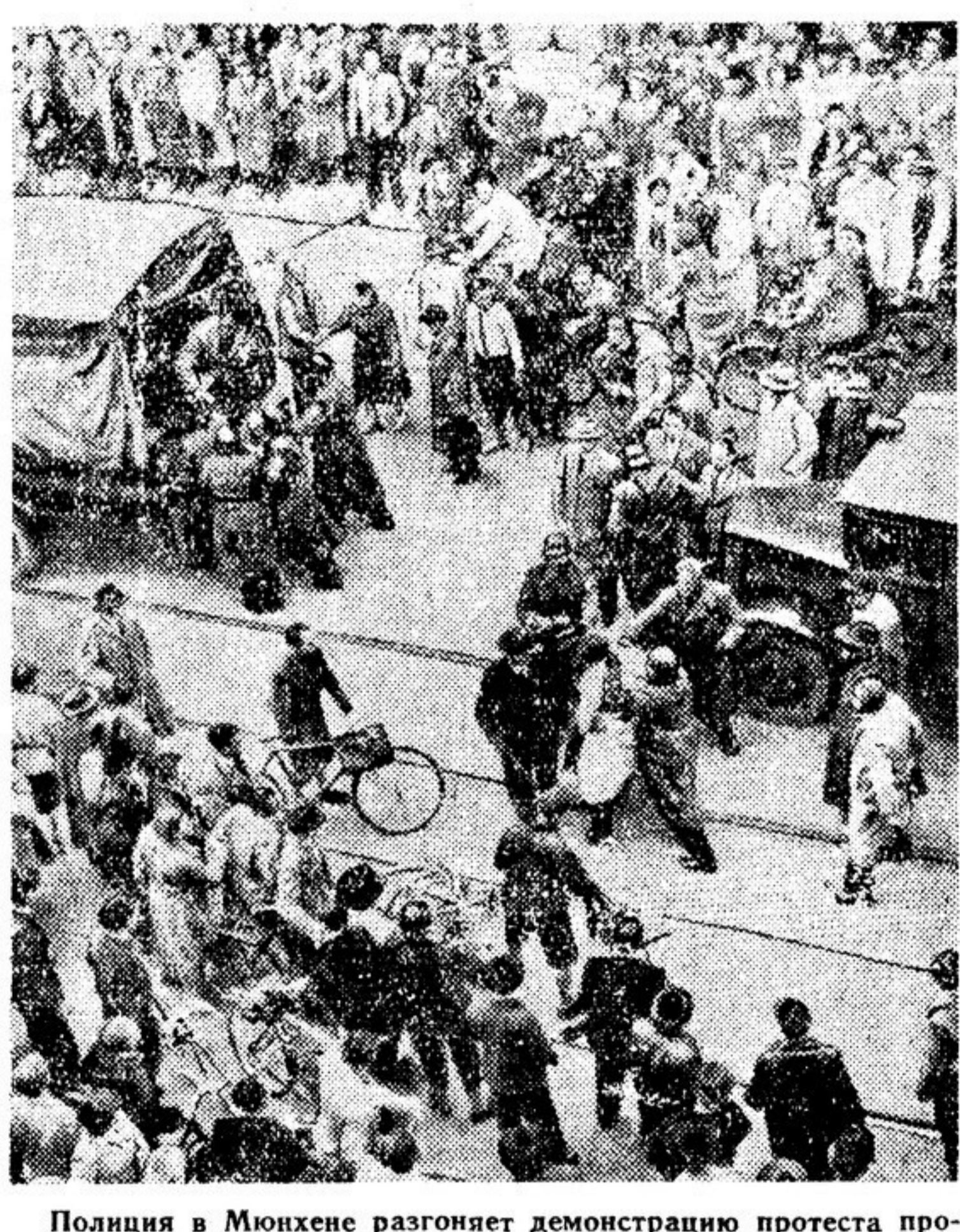
Все коварные и жалкие попытки кланки Аденауэра саботировать прием делегации Германской Демократической Республики и, в особенности, скрыть от общественности ее предложения оказались бесплодными. Та же участь постигает непрекращающиеся попытки боннских реакционеров, стремящихся заставить боннский парламент, стремящихся заставить боннский парламент и, главное, возможно скорее положить конец разрыву — дискуссии. Немецкий народ не позволит заглушить его волю к единству ни аденауэровской пропагандой, ни аденауэровской пропагандой.

Встреча 19 сентября — тысячи голосов по всей стране подтверждают это — не конец, как хотелось бы боннским правителям, а только начало. Эта дата знаменует собой начало нового этапа борьбы за единство Германии, борьбы, которую миллионы немцев будут с каждым днем расширять и усиливать.

Бурное движение, возникшее в Западной Германии в связи с событиями 19 сентября, проникло буквально во все слои населения — в рабочий класс и крестьянство, интеллигенцию и духовенство, в среду ремесленников и промышленников. Перед народом открылась новая перспектива, могущая наконец вывести Германию из опасной зоны, в которой она очутилась из-за раскольничьей политики иностранных и германских империалистов.

Еще в то время, когда, по ироническому замечанию газеты «Эюдейтце дейтунг», у боннских правителей часеялись руки вستی... «осадное положение» ввиду того, что пять делегатов Германской Демократической Республики приехали в Бонн для обсуждения насущнейших дел немецкого народа, — еще тогда на рабочем столе председателя бундестага начали расти горы писем, телеграмм и резолюций, присылаемых населением Западной Германии. В них народ призывает боннское правительство рассмотреть встречу с представителями Народной палаты, как начало совместного обсуждения общегерманских проблем.

Вот несколько примеров: трудящиеся «Даренхаусе», одного из крупнейших рурских заводов, пригласили делегацию Народной палаты и такую же делегацию бундестага обсудить вместе с ними вопрос о единстве страны. Незадолго до приезда делегации ГДР в Бонн туда прибыли представители свыше 20.000 рабочих Нюрнберга с целью пригласить делегацию в этот город. Многочисленные заводские комитеты прислали телеграммы, в которых приветствовали посланцев Народной палаты и их важную миссию. Организация «За немецкое взаимопонимание и за справедливый мирный договор» потребовала в воззвании, под которым, между прочим, подписались бывший рейхсканцлер Вирт, Эйфес и Маасс, совместного обсуждения германских проблем и снятия сепаратного «общего договора» с повестки дня бундестага. Елена Весель от имени «Общества защиты мира в Европе» выдвинула такое же требование. Подобную же точку зрения высказал и-р Ульрих Ноак.

Полиция в Мюнхене разгоняет демонстрацию протеста против договора войны, заключенного между боннскими реваншистами и американскими империалистами.

Снимок из английской газеты «Сфир»

ство Аденауэра, растет сочувственное отношение к предложениям Народной палаты. Как явствует, например, из сообщений западногерманских газет, к группе делегатов по поручению которой Герман Эггел, член баварской партии, вел переговоры с делегацией Народной палаты, примкнула еще ряд депутатов. В связи с этим необходимо также упомянуть о позиции заместителя премьер-министра Земля Шлезвиг-Гольштейн Вольдемара Крафта, который направил Эггеру телеграмму с призывом выступить в переговоры с Народной палатой, чтобы положить конец «оцепенению и застою».

В этой, безусловно, преобладающей позиции в пользу совместного обсуждения общегерманских проблем и против боннской раскольничьей политики отражается подлинное мнение народа в Западной Германии.

В последние дни особенно ясно обнаружилось, до какой степени узок круг противников мирного объединения Германии. Поездка делегации Народной палаты в Бонн заставила сбросить маски, и теперь уж никто не сомневается в том, что Аденауэр, который велелся старался сорвать прием делегации, — враг германского единства.

И вместе с тем стало ясно, насколько Аденауэр и его единомышленники изолированы от народа, как сабы потому их позиции. Боннскому «кандидату» не удалось отменить решение президиума бундестага о приеме делегации ГДР. Тогда он стал звать на помощь. И кто же откликнулся на этот зов? В первую голову — верховный комиссар США в Западной Германии Доннели, полностью предоставивший Аденауэру свою политическую поддержку. Это было вполне понятно и закономерно: ведь мирный договор и объединение Германии положили бы конец американской оккупации западных зон...

Но нажим со стороны Доннели не помог. И тут на помощь Аденауэру пришло... правление германской социал-демократической партии (СДПГ). Оно резко-отрицательно отнеслось к приему делегации ГДР и запретило социал-демократу Карло Шмидту, вице-председателю бундестага, участвовать в этой важной встрече.

Но и поддержка реакционного руководства социал-демократов ничего не дала. Голос народа, требующего переговоров, звучит все громче и настойчивее. Теперь все лагеря, существующие в Западной Германии, ясно размежевались: на одной стороне — подавляющее большинство населения, на другой — союз Доннели-Аденауэр — правые социал-демократы, борющиеся против немецкого народа за цели американского империализма.

Полная зависимость внешнего правления социал-демократической партии от политики империалистов США теперь, в связи с боннской встречей, выступает отчетливо и ясно, словно в лучах мощного прожектора. И если Франц Нейман, принимавший руководящее участие в вынесении предательской резолюции правления СДПГ вкуче с господином Рейтером, теперь осмелевает клеветнически заявлять, что делегация Народной палаты якобы «только расточала слова, но не делала дела», то он лишь разоблачает себя и политику руководящей верхушки СДПГ, которая всегда бросает на ветер слова о единстве Германии, а на деле, как показал эпизод с Карло Шмидтом, выступает против его осуществления.

Боннская встреча дала уже тот знаменательный результат, что послужила толчком для решительного размежевания в Западной Германии сторонников мира и единства, с одной стороны, и проводников политики раскола и войны, с другой. Она способствовала тому, что теперь ясно видно реальное соотношение этих сил. Внутренняя слабость лагеря Аденауэра, лагеря войны и раскола, теперь всем видна.

Как было справедливо отмечено на днях на пресс-конференции делегатов Народной палаты, первая брешь пробита. Немцы патриоты и борцы за мир намерены эту брешь расширить и продолжать борьбу до тех пор, пока не будет окончательно достигнута великая цель — германское единство и мирный договор со всей Германией.

БЕРЛИН, 1 октября. (По телеграфу)

Франц Нейман — председатель социал-демократической организации в западных секторах Берлина, член правления СДПГ, Эрнст Рейтер — правый социал-демократ, так называемый «кобер-бургист» с правительственными функциями, раскольничьего магистрата западных секторов Берлина.—Ред.

AVON 1K STATION TOURISTIQUE DON HOTEL DES CHASSES TERRAIN MILITAIRE ACCES INTERDIT

На дороге, ведущей во французский город Авон, раньше был указатель с надписью: «АВОН — ОДИН КИЛОМЕТР — ТУРИСТСКАЯ СТАНЦИЯ» (на фото сверху). Теперь американцы заменили этот указатель новым (на фото внизу): «ВОЕННАЯ ЗОНА. ВХОД ЗАПРЕЩЕН».

Снимок из чехословацкой газеты «Руде право».

Я Н К И ПРИСПОСАБЛИВАЮТСЯ...

«Americans, go home!» — «Американцы, уберите свой дом!» — эти слова громко звучат во всех странах, где расположены американские оккупанты. «Янки, — в Америку!» — такие надписи появляются на стенах зданий, на асфальте улиц, на парапетах мостов, на щитах, установленных вдоль проезжих дорог — повсюду в городах и селах пораболенной Западной Европы. Они стали как бы девизом борцов за мир.

Долгое время американские поджигатели войны «старались не замечать» это требование миллионов. Полиция маршалловских государств старательно истребляла надписи. Однако слова эти настолько прочно вошли в быт оккупированных американскими странами, что теперь циничные бизнесмены... пытаются использовать их в самых неожиданных целях.

Вот колоритный пример. В парижском издании американской реакционной газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» регулярно печатается рекламное объявление следующего содержания: «Американцы, не уберите свой дом, не покиньте предварительно старейшую фирму в Париже — Атланко, крупнейший во Франции магазин лучших духов!»

Еще дальше пошел некий мистер Дейв Парсонс, ведающий отделом рекламы в американской компании воздушных сообщений «Пан Американ айрлайнс». Он сообщил датской газете «Берингске аftenavis», сей предприимчивый бизнесмен нанял маляра, который систематически обходит парижские улицы с ведром краски и кистью в руках и делает небольшие «дополнения» ко всем попадающимся ему на пути надписям «Американцы, уберите свой дом!». После вмешательства маляра текст выглядит так:

«Американцы, уберите свой дом на самолетах «Пан Американ айрлайнс»... Нельзя отрицать: некоторой дозой юмора мистер Парсонс обладает. Но несвежий это юмор...

Заметки об университетских программах

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 3 СТР.)

нина, вооруженного для жизни самым передовым оружием мысли и созвывая в умеющего применять это оружие к живому делу. И если поставить этого гражданина рядом с молодым англичанином его лет, окончившим Оксфорд, или же американцем, вышедшим из Гарварда, или французом, окончившим Сорбонну, и заставить их разговариваться, то можно было бы построить на этом молчаливом сдвиге комедию, — так велико и остро было бы столкновение нового, неизменно более зрелого, человеческого, прогрессивно-ясного и убедительно-оптимистического сознания советского молодого человека и отсталого-обесцеленного, усвоенных, противоречивших здравому смыслу, невероятных узких и бесперспективных взглядов трех других молодых людей.

И все же нам сейчас мало этих достоинств наших учебных планов и программ. Больше того: в свете этих достоинств мы сейчас ярче видим их недостатки. Мы видим их ярче потому, что сами достоинства, отражающие рост нашего общества и развитие нашей теории, требуют преодоления этих недостатков и носят в себе указание, как именно, в каком направлении можно и должно эти недостатки преодолеть.

II

Каковы же эти недостатки? Среди нами страшно увеличившийся и имеющий тенденцию все более и более увеличиваться с каждым годом количеством знаний. Все дальше в небо возносится мысль ученого, все глубже в землю проникает его взгляд, вооруженный растущей и угончающейся техникой; все многочисленней семья народов, идущих по пути социализма; все доступней древние культуры, гласившие давно умершим, все богаче сокровищница человечества, переходящая в пользование новых людей планеты Земля. И обо всем этом надо знать новому человеку, чтоб он не отстал от жизни, а значит, прибавляются и приобретаются новые курсы, новые пункты в программах, новые темы. Расширяется объем познаваемого, и трудно поставить предел этому расширению. Может ли этот студент с этим справиться? И если он берет все это, —难道 ли сохранится все набранное в памяти? И даже если сохраняется, все ли это нужно было впитывать и

сохранять, не легко ли оно в памяти ученых балажом?

Несомненно, что количественный рост объема знаний сам по себе не может быть назван «недостатком», — ведь процесс познания сам по себе — счастье человечества. Но одновременно с таким ростом должно расти и умение по-новому, по принципам нового сознания коммунизма, синтезировать, объединять, упорядочивать это богатство, извлекать из него наиболее существенное и тем облегчать памяти нового образованного человека удерживать его в себе. Отсутствие такого умения при непрерывном расширении и росте объема знаний — вот это и есть главный недостаток наших учебных планов, сходящийся все время студента в вузе, школьника в десятилетие, мечающийся до сих пор найти правильный ступенчатый переход от школьника к студенту.

А между тем само развитие нашей теории показывает пути к систематизации, объединению растущих знаний. Само развитие наук подсказывает их. Мы видим применение исторического, диалектического, материалистического метода в трудах товарища Сталина, в которых предельно ясно, буквально на нескольких страницах, излагается основа наук языкознания, политэкономии. Мы видим, как развитие физики, математики, астрономии, электротехники, химии, биологии, физиологии все более и более обобщает общие закономерности, лежащие в основе всех наук одного ряда. Мы видим, как развитие национальных культур обнаруживает все более и более, при всей их красочной разности, общие закономерности в освоении культурных наследств, в становлении языка, общества, искусства, в борьбе, с какой протекает освоение советскими народами их прошлой культуры, и т. д. Мы видим, как в таком мощном движении современности, как борьба за мир, открываются великое сокровище всего мыслящего и чувствующего перестоявшего человечества, сложное, ланное людям общий язык, над всей нестройной бесконечной земной разноразличиями. И то, что мы видим, что встает сейчас перед нашими глазами, должно и может принципиально помочь в отработке наших программ обучения, в удалении балласта из учебных планов, в укладке фактического материала с помощью новых методов, в связывании и объединении

каждого бесконечного многообразия. Прогноз ли сейчас хотя бы намеки на такой стихийный процесс при составлении учебными университетами курсов и учебными «преподавателями», обучение которым происходит в средней школе? Задумываются ли над этим сдвиги учителей, кафедры вузов и вузов, министерства просвещения и высшего образования?

Даже беглый просмотр университетских учебных планов и программ показывает, что нет этого, не видно этого, не чувствуется движения к этому. До сих пор многое старое сохраняется за счет нового; очень много дублируется в двух-трех курсах, а в то же время много нужного не найдешь в программах; все вместе дает весьма разнородный, обильный не привнесший в стройную связь материала, а значит, и своей трудной запоминанию, значить, и своей трудной запоминанию.

Вот, к примеру, программа «Технологии важнейшей отрасли промышленности». В ней есть глава о приоритете отечественной науки в режиме резанья при обработке металлов. Приводятся фамилии больших научных новаторов — инженеров, ученых (Тиме, Зворыкина и т. д.) и это хорошо. Но в то же время в этом смысле нет ни одной фамилии знаменитых рабочих-стахановцев, как и вообще во всей программе нет ни одной ссылки ни на одного стахановца, нет даже и упоминания самого слова «стахановец». А между тем именно через стахановца и стахановское движение можно связать технологию промышленности с экономикой, с политэкономией, с существом различия двух систем (социализма и капитализма) и с принципами изменения нашей технологии.

часть, но есть одно, более общее. Прочтешь почти все программы самых разнообразных наук, редко-редко наткнешься на изложение истории этой науки, в котором историческим методом (на вопрос: для чего?) ученые раскрывали бы эту науку.

Отсутствие исторического метода в изложении многих наук (только программа по астрономии сделана в этом смысле как будто удовлетворительно!) связано и с пороком дурной бесконечности, которым пахнет от непрерывного роста числа преподаваемых предметов. Ведь именно этот метод мог бы объединить многие науки, рассказав сначала об их отдалении друг от друга в начале возникновения этих наук, а потом — об историческом приближении их друг к другу. Именно этот метод мог бы помочь экономно уложить основы многих наук в живую, обусловленную их практическими задачами и последовательными открытыми закономерностями систему.

В конце 90-х годов прошлого века еще совсем загадкой «общееобразовательное» значение больших синтетических трудов, охватывающих сразу по несколько наук, таких, как «История цивилизации в Англии» Бокля, «Основные начала» или «Психология социологии» Герберта Спенсера, «История земли» Неймайера.

Эти книги создавались в эпоху расцвета капитализма; они насыщены духом капитализма, всем тем, что нам чуждо и неприятно. Но разве зря коммунизм не может вобрать в себя лучшие изобретения наших, социалистических трудов, излагающих многие отрасли наук в их связи, познать историю культуры, которые стали бы настоящими для наших студентов, помогли нашим кадрам. Только совсем не обязательно, мне кажется, делать такие книги коллективными. Не отрицаю значения коллективных трудов, я думаю, что такие книги должны родиться виллиные одним личным, стать плодом одного стиля, одного индивидуального лица, которое взяло бы на себя творческий подвиг такого труда — синтеза науки и искусства. Немало наших больших ученых могли бы это сделать!

кончающих большой процент будущих учителей. Программа педагогика в Московском университете должна быть образованная программа во всех других университетах. И вот что я нашла в этой программе. Слово «исторический» употребляется отнюдь не в раздвиг метода, оно употребляется только один раз во введении к курсу, где говорится о «классово-историческом характере воспитания в классовом обществе». И это все. В программе о методах обучения перечислено следующее:

«Понятие о методах обучения. Логическая и психологическая основа методов обучения. Анализ и синтез в обучении. Индуктивный и дедуктивный пути мышления в процессе сообщения знаний и в процессе познания. Обусловленность методов обучения принятыми задачами. Методы обучения в советской школе».

Ну, думаю, хоть тут доберемся до чертубуль членораздельного. И читаю дальше: «Метод систематического и последовательного изложения учителей учебного материала (рассказ, объяснение, описание, доказательство, школьная лекция)». Тут что ни слово, то перл. Во-первых, синтаксис: «последовательность изложения учителей учебного материала!» Разберись, кто хочет, в нагромождении родительного падежа. Во-вторых, почему «рассказ, объяснение, описание, доказательство, школьная лекция»? Чем это не «огороче бузина, в Кееве дядька»? Разве лекция не может быть объяснением, а рассказ — содержанием в себе элементы описания? Если такое перечисление принято, полно ли оно? И в чем тут метод систематичности и последовательности («изложения учителей учебного материала»)? Я цитирую по экземпляру, разосланному для отзыва 35 университетам и институтам.

Почти каждое «требование к учителю» в этой программе сопровождается ссылкой на «принципы диалектики». Каковы же эти принципы? Они перечислены в программе: Диалектика — теория образования и обучения. Марксистско-ленинская теория познания — методологическая основа советской диалектики. Теория отражения, анализ процесса познания учащегося. Понятия диалектики: принцип наглядности. Принцип активности и сознательности усвоения знаний учащегося. Принцип

прочности усвоения знаний. Принцип доступности учебного материала. Принцип научности учебного материала и сообщаемых знаний. Принцип систематичности учебного материала и сообщаемых знаний. Вот и все. И ни слова о принципе «историчности» сообщаемого материала. Система, но не история! Поистине, средние века!

Кроме того, что значит «принцип прочности усвоения знаний», почему «принцип»? Не звучит ли это что-то вроде требования к жестянщику, чтоб он чинил самонабор на основе «принципа прочности проверки самовара»? Как странно, что мы не можем говорить просто, как странно, что мы усложняем самые простые вещи. И это у нас, где с советским народом говорит Сталин. Так удивительно просто говорит. Так умеет самые трудные, самые сложные вещи объяснить простыми словами! Не вачуть ли нам курс педагогики с требованием к учителю: научиться стахановской простоте и понятности речи?

Уметь воспитать внимание и сосредоточенность со школьной скамьи — великая задача педагога. О важности воспитания внимания у детей великолепно говорил Н. И. Пирогов в «Дневнике старого врача». Говорили классики нашей педагогики. Мне кажется, оно отстоит отдельной строки в программе и главы в курсе. Но в упомянутой программе есть индукция и дедукция, а про внимание (за которое в старой школе отметку ставили!) ни звука, ни слова.

Когда я читала книгу Профизада «Дворец науки» со статьями самих строителей, меня остановила замечательная фраза гранитчика Глебова: «Ты должен чувствовать каждый свой удар, и гранитная плита подчиняется тебе, ты сделаешь из нее все, что захочешь!» Вот это — в одной фразе — целый курс педагогики, и какой педагогика!

Во имя людей, возвышающих великие стройки коммунизма, воплощающих в жизнь наши пятилетки, строящих наши дворцы науки и мечтающих начать в них учиться, пора нам пересмотреть учебные планы и программы курсов так, как стахановцы перестраивают старые производственные нормы, и по-стахановски разрешить проблему образования для гражданина эпохи коммунизма!

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАНОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).